

Эли Макнамара

Письма

с «Маяка»

Эли Макнамара

Письма с «Маяка»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49893981*

*Письма с «Маяка»: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-104997-3*

Аннотация

Грейс родилась в маленьком приморском городке на севере Йоркшира и всегда мечтала сбежать оттуда, чтобы увидеть мир. Так она и поступила, повзрослев. Грейс много путешествовала, влюбилась и вышла замуж. Но почему же тогда она вернулась в Сэндибридж и проводит все время с Чарли, другом ее юности? Имеет ли это какое-то отношение к печатной машине по имени Реми, которую она забрала когда-то из старого коттеджа смотрителя маяка? Возможно, спустя годы странствий пришло время наконец признать, что сердце там, где твой дом.

Содержание

Часть I	10
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	79
Глава 8	87
Глава 9	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Эли Макнамара

Письма с «Маяка»

Ali McNamara

LETTERS FROM LIGHTHOUSE COTTAGE

Copyright © Ali McNamara, 2016

This edition is published by arrangement with Hardman and Swaison and the Van Lear Agency

© ФрадкинаЕ., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Дорогой читатель!

Жизнь никогда не бывает легкой.

У всех нас каждый день случаются события, которые что-то меняют. Одни кажутся хорошими, другие – плохими.

Разве не жилось бы нам гораздо легче, будь у нас кто-нибудь, кто помогал бы, направлял на верный путь, давал дельные советы и постоянно заботился о нас?

Этот «кто-то» есть у каждого.

Просто нужно пошире открыть глаза и найти

его.

Это история о том, что происходит, когда нам оказывают подобную помощь весьма необычным способом...

Лето 2016

Сегодня Сэндибридж-Холл счастлив, я это точно знаю.

В доме и поместье полно посетителей, и в этот прекрасный июльский день все радуются жизни. Меня изумляет, что нам удастся привлечь так много людей с пляжей городка, бывшего популярным морским курортом еще с викторианских времен. Однако Холл, расположенный недалеко от центра Сэндибриджа, сегодня столь же высоко котируется среди туристов, как и прочие соблазны нашего приморского города.

Я смотрю на высящийся передо мной особняк в стиле Тюдоров: его золотисто-желтая кирпичная кладка так и сияет в теплых солнечных лучах. Сэндибридж-Холл всегда радуется, принимая гостей. В таких случаях его окна с частыми свинцовыми переплетами сияют немного ярче, а в многочисленных коридорах и комнатах царит теплая атмосфера.

Сэндибридж-Холл и его обширные сады и парки создавались на радость людям, и каждый год его посещают тысячи туристов.

— Грейс, вот ты где! — Айрис, моя молодая помощница,

бежит ко мне по аккуратно подстриженной лужайке. – Тебе нужно подписать эти бумаги.

– Спасибо, Айрис, – говорю я. – Прости, что оставила тебя одну в офисе, но мне нужно было ненадолго выйти. Я люблю смотреть на дом, когда в нем полно народу. По-моему, тогда он лучше смотрится.

– Да, сегодня у нас трудный день. – Айрис окидывает взглядом Сэндибридж-Холл, пока я торопливо ставлю свою подпись на бумагах. – Вообще-то так было всю неделю.

– Это хорошо. – Я возвращаю ей бумаги. – Этот дом слишком часто пустовал, и я счастлива, что он снова процветает.

– И все благодаря нашему замечательному благодетелю, – замечает Айрис, подмигивая мне.

– В самом деле, – подтверждаю я, с нежностью вспоминая о нем.

– О, это напомнило мне... – Айрис сует руку в верхний карман рабочих брюк из грубой ткани. – Дэнни пытался связаться с тобой. Он позвонил в офис, так как твой мобильник не отвечал. И я догадываюсь почему. – Она поднимает брови, вручая мне мой телефон. – Ты оставила его на столе.

– Извини, – отвечаю я. – Со мной такое часто бывает.

– Так я и подумала. – Айрис морщит нос, при этом крошечный золотой пирсинг дергается. – Не понимаю, как ты могла его оставить. Мобильник – моя правая рука.

– Это потому что ты молодая, – улыбаюсь я. – Мобильник как будто прирос к тебе, и ты все время его проверяешь. Но

не забывай, что, когда я была в твоём возрасте, телефоны висели на стене, их нельзя было носить с собой!

– Ничего себе! – Айрис театральным жестом подносит руку ко лбу. – Для меня эта мысль невыносима!

– И даже когда мы наконец получили мобильники, они предназначались только для телефонных звонков. Их нельзя было использовать в качестве маленьких компьютеров, как вы это делаете сегодня!

Я поддразниваю Айрис, которая не мыслит жизни без гаджетов.

– Дальше ты скажешь, что у тебя был один из тех огромных компьютеров, которые я видела в музеях, – говорит Айрис, включаясь в игру. – А ты играла на них в «Пакмену»¹ и «Космических захватчиков»?² Нет, погоди! – Она машет рукой. – Держу пари, что у тебя вообще не было компьютера. Вероятно, ты выполняла домашние задания с помощью пишущей машинки!

У меня перехватывает дыхание. Айрис слишком приблизилась к истине и нечаянно задела меня за живое.

– Новые посетители! – объявляю я, радуясь возможности сменить тему.

Два больших автобуса медленно въезжают в большие чер-

---

¹ «Пакмена» – японская компьютерная игра, выпущенная в 1980 г. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² «Космические захватчики» – японская компьютерная игра, выпущенная в 1978 г.

ные ворота Сэндибридж-Холла и направляются в нашу сторону по усыпанной гравием подъездной аллее.

– Да, школьная экскурсия, – говорит Айрис, снова наморщив нос. – Подростки. Сомневаюсь, что многие из них заинтересуются историей Холла. Вероятно, они просто приехали сюда, чтобы погулять в выходной.

– В этом нет ничего плохого, – возражаю я, с нежностью вспоминая собственные школьные экскурсии. – Никогда не знаешь... Возможно, что-то из увиденного сегодня заронит в них искру интереса к истории.

– Ты так думаешь? – Айрис делает гримасу.

Я качаю головой:

– Вообще-то нет. Единственное, что меня интересовало в их возрасте, – это мальчики и возможность сбежать из Сэндибриджа.

– В самом деле? – Айрис искренне удивлена. – Я думала, что ты была школьной зубрилкой, зарывшейся по уши в книги по истории.

Я смеюсь:

– Вовсе нет. Я ненавидела историю, когда училась в школе. И только когда мне исполнилось пятнадцать, все изменилось.

– О, и что же случилось, когда тебе исполнилось пятнадцать? – интересуется Айрис.

– Это долгая история, когда-нибудь расскажу. А сейчас нам бы лучше вернуться в офис, так как есть кое-какие дела.

К тому же мне придется отлучиться позднее.

— Да? — с вопросительной интонацией произносит Айрис. — А я ничего не отметила в ежедневнике.

— У меня важная встреча, — отвечаю я, не вдаваясь в подробности. — Мне нужно уйти на какое-то время.

Айрис пожимает плечами, и мы молча идем по аллее к дому. Два автобуса уже высадили возле него пассажиров.

Молодой учитель пытается утихомирить своих учеников, но большинство не обращает на его слова ни малейшего внимания. Когда мы проходим мимо, одна девочка громко заявляет: «Терпеть не могу историю!» И я сразу же переносусь в лето 1986 года...

Часть I

Июнь 1986

Глава 1

– Грейс! – зовет меня мама из соседней комнаты. – Пожалуйста, иди сюда и помоги мне с этими вещами. Я уже дважды просила тебя об этом.

Я со вздохом отрываю взгляд от фотографий на стене. На них запечатлены места, где я никогда не бывала. А вот особа, которая смотрит на меня с этих снимков, там бывала, и, судя по всему, наслаждалась жизнью. Женщина на фотографиях так же незнакома мне, как и эти места. Но мне приходится тщательно просматривать ее имущество в надежде найти что-нибудь стоящее – таков уж абсурдный мир, в котором я обитаю вместе с родителями.

– О'кей, я здесь, – говорю я маме, появляясь на пороге гостиной.

– Давно пора. А теперь помоги отнести эти коробки в фургон, ладно? И, Грейс...?

– Да?

– Перестань грезить наяву. Сейчас определенно не время и не место. Нам нужно поторапливаться!

– Да, мама, – бормочу я и начинаю выносить из дома полные барахла картонки и грузить в наш потрепанный бледно-голубой фургон.

Антиквариат Харперов

Эта надпись, сделанная замысловатыми белыми буквами, гордо красуется на фургоне.

«Покупка. Продажа. Оценка. Распродажа.

4 Лобстер-Пот-Элли, Сэндибридж, Норфолк

02163 492445

Такова уж моя участь в уик-энды – помогать родителям обслуживать покупателей в их маленьком антикварном магазине. А сегодня мы занимаемся очисткой дома от вещей: именно таким образом магазин получает основную часть товара. Иногда мы отправляемся на аукцион, что немного интереснее. В общем, порой я бываю рада, когда наступает понедельник и школа избавляет меня от необходимости возиться со старым барахлом.

Но старье хорошо продается. Я не перестаю удивляться, что столько покупателей заглядывает в магазин моих родителей, чтобы купить чьи-то ненужные вещи. Это либо местные, которые хотят приобрести что-нибудь подешевле, либо туристы, заехавшие в Сэндибридж, чтобы провести день на взморье. Поток покупателей не иссякает, так что родители продолжают торговать. И слава богу: ведь они не из тех, кто делает деньги на бирже, прижимая к груди мобильники и органайзеры «Филофакс»³. Нет, мои родители не вписываются в стремительный мир восьмидесятых. Они предпочитают оставаться в прошлом.

---

³ «Филофакс» – ежедневники со сменными блоками.

– А теперь я могу идти? – спрашиваю я маму, когда мы грузим в фургон последнюю картонку.

– Куда?

Мама поворачивается ко мне, и я вижу удивление на ее лице.

Вот только не нужно сыпать мне соль на раны! Да, у меня не самая шикарная светская жизнь в Сэндибридже – пожалуй, и во всем Норфолке! Никто из подростков не живет такой скучной жизнью, я в этом уверена. Мне пятнадцать, и самым волнующим событием стал побег из школы, когда меня чуть не застукали. Но никто не поверил, что я действительно удрала. Учительница, увидевшая, как я захожу в магазин на углу, чтобы купить журнал «Всего семнадцать», решила, что если я не в школе, то заболела. Она достала из сумочки аспирин и предложила мне.

Мои отношения с противоположным полом тоже фактически на нуле. Единственный знак мужского внимания я получила, когда Уилл Грейнджер поджег над бунзеновской горелкой мой локон (нас с ним заставили вместе проводить опыты на уроке химии).

Другие подростки постоянно веселились на вечеринках, испытывая терпение своих родителей, а я сидела дома.

– Я же сказала, что позже пойду смотреть футбол с друзьями, – гордо заявляю я.

Это правда – но с большой натяжкой. «Друзья» на самом деле не были моими друзьями. Просто в пятницу утром

это мероприятие обсуждалось «крутыми» ребятами, и меня вроде бы включили в число приглашенных. Такое редко случалось, и я исполнилась решимости воспользоваться шансом. И неважно, что я все лишь буду смотреть, как высокооплачиваемые футболисты девяносто минут гоняют мяч по полю и театрально падают.

– С каких это пор ты заинтересовалась футболом? – удивляется мама.

– Это же Кубок мира! Как же можно не интересоваться, когда только об этом и говорят?

Она прищуривается, глядя на меня с подозрением, и сует руки в карманы синих джинсов.

Я встречаю ее взгляд с самым невинным видом.

– Ну что же, приятно, что ты выходишь в свет, – в конце концов сдается мама. – А в чьем доме ты собираешься смотреть этот матч?

– У Дункана Брейтуэйта, – бормочу я, надеясь, что мама не расслышит.

Но у нее округляются глаза.

– Дункан Брейтуэйт? Но мне не хотелось бы, Грейс, чтобы ты якшалась с такими, как он. Я слышала, что он трудный подросток.

– Мама, туда приду не одна я, а целая компания. Со мной все будет хорошо.

Мама смотрит на меня с сомнением, но все-таки кивает в знак согласия.

– Если тебе хочется пойти, я не против. Но обещай, Грейс, что ты будешь осмотрительной. Пятнадцать – трудный возраст, особенно если рядом мальчики. Помню, когда мне было пятнадцать, я...

– *Мама!* – не выдерживаю я.

– Прости, солнышко. Ты же знаешь, что я о тебе беспокоюсь. Ты моя маленькая девочка, мой единственный ребенок. Мне позволено немножко поволноваться, не правда ли?

– Но только немножко!

Мама усмехается и говорит:

– Ну вот, в коттедже осталась всего одна коробка, и это пока что все. Я вернусь за остальным завтра, когда твой отец освободится и поможет мне грузить тяжелую мебель. Интересно, как у него дела на аукционе в Фейкенхеме? Жаль, что я не смогла поехать. Но меня попросили как можно скорее разобраться с этим домом. Я говорила тебе, что Мейбл настаивала, чтобы именно мы занялись распродажей ее имущества?

Мама с гордостью рассказывает мне это уже в третий раз.

– Да, говорила. Правда, это немного странно – делать распоряжения насчет распродажи твоих вещей, не так ли?

– По-видимому, она знала, что ее конец близок. Правда, она хорошо себя чувствовала, когда я с ней беседовала в последний раз. Пожалуй, это действительно немного странно. – Мама переводит взгляд с маленького коттеджа, которым мы занимаемся, на маяк рядом с ним. – Какая жалость, что на

маяке больше не будет настоящих зрителей! – говорит она, с нежностью глядя на цилиндр из белого кирпича. Кажется, будто он возносится ввысь, в облака, и исчезает за ними.

С тех пор как построили новый маяк на побережье, наш маленький маяк стал ненужным. Мейбл была последним зрителем, жившим здесь, в коттедже «Маяк».

– Мир движется вперед, мама, – отвечаю я. – Прогресс означает перемены.

– Да, я знаю. Но я никогда не любила перемены. Может быть, поэтому мы с папой и занялись антиквариатом. Ведь таким образом мы можем удерживать прошлое, не так ли? – Она улыбается мне, затем переводит взгляд на огромный тюдоровский особняк, который высится на холме за нами. – Ты знаешь, что Сэндибридж-Холл тоже продают? – с грустью спрашивает мама. – Владельцам больше не по карману содержать особняк, и они вынуждены продать его и переехать. Увы, таково положение дел. Когда-то владельцам этого особняка принадлежал весь Сэндибридж – дома, магазины, даже маяк. Но шли годы, и им пришлось понемногу распродать все поместье. Единственное, что осталось, – этот дом, но теперь и он тоже продается. – Мама качает головой. – Я обеими руками за прогресс, Грейс, но если при этом гибнет историческое прошлое нашей великой страны, то я прекрасно обошлась бы без него.

Я взглядываю на Сэндибридж-Холл. Даже в этот пасмур-

ный июньский день красный цвет кирпича и красивый золотистый оттенок отделки придают дому теплый и приветливый вид. Он окружен рвом, и к нему ведет длинная подъездная аллея, обсаженная деревьями.

– Держу пари, мама, тебе бы хотелось покопаться в старинной мебели и картинах, очищая этот дом! Ты была бы там в своей стихии.

– О нет, это невозможно. Интерьеры Сэндибридж-Холла слишком дорого стоят, чтобы пойти с молотка, – возражает мама. – Некоторые из картин представляют большую историческую ценность, а кое-что из мебели восходит к шестнадцатому веку. По слухам, у них даже есть гусиное перо, которым шотландская королева Мария писала письмо, когда гостила в этом поместье.

– А-а... – рассеянно произношу я: все это нисколько меня не интересует.

– В любом случае мне некогда горевать об этом сейчас. – Мама вытирает лоб тыльной стороной ладони, и несколько белокурых прядей выбиваются из-под шарфа, которым она защищает волосы от пыли. – У меня будет дел по горло, когда я привезу все это домой. У Мейбл такие красивые вещи! Мы должны хорошо заработать на этой распродаже. – Она запрыгивает в фургон. – Грейс, будь добра, принеси, пожалуйста, последнюю коробку из коттеджа, а я пока закончу укладывать эти.

– Конечно, – отвечаю я, радуясь, что мне не нужно продол-

жать разговор о старых вещах. История и сохранение прошлого – мамин конек. Я вздыхаю с облегчением, когда она перестает ораторствовать и спускается с трибуны.

Маленький сад при коттедже окружен белым забором. Я вхожу в калитку, открываю деревянную парадную дверь и принимаюсь искать последнюю картонку. Но ее нет в гостиной, где мы сложили все остальные коробки, и приходится обойти все комнаты коттеджа.

В старой кухне нет ничего, кроме опустевших деревянных буфетов с облупившейся краской и плиты, которая явно знавала лучшие дни. Прихожая совсем крошечная, так что коробке здесь поместиться негде. Я избегаю вверх по лестнице, скрытой снизу портьерой. В трех маленьких спальнях также ничего, кроме мебели, которую завтра заберет папа. В ванной тоже пусто: только старая белая ванна с откидным верхом, старомодный унитаз и раковина. Я возвращаюсь на первый этаж, чтобы в последний раз окинуть взглядом гостиную на случай, если что-то упустила. Но вижу только величественный камин из кованого железа в конце комнаты да кое-что из старой мебели Мейбл.

Этот маленький коттедж мог бы стать очень уютным, если бы кто-нибудь его купил и привел в порядок. Наверное, его продадут, и новый хозяин сделает ремонт, чтобы сдавать коттедж отдыхающим. Пару лет назад Сэндибридж полностью отреставрировали и начали вкладывать деньги в приморский бульвар. Сейчас наш город становится столь же по-

пулярным курортом, как в викторианские времена.

– Интересно, а там что? – спрашиваю я, поворачивая ручку маленькой двери в самом конце коридора; я ее заметила раньше. – Вот ты где! – восклицаю я.

Вероятно, эту крошечную каморку смотрители маяка использовали как кабинет. Тут книжные полки, на которых теперь ни книг, ни бумаг, и обшарпанный письменный стол. Прежде чем продать этот стол, мама с папой непременно сотворят с ним чудо, придав ему прежний блеск. Но в данный момент меня больше интересует то, что стоит на столе: потерявшаяся коробка.

Я сразу же направляюсь к столу и пытаюсь поднять ее.

Уф! Я поспешно опускаю коробку, почувствовав, какая она тяжелая. Интересно, что же положила в нее мама? Я отгибаю крышку и заглядываю внутрь.

– О, это всего лишь пишущая машинка, – сообщаю я пустой комнате.

Это одна из тех ужасно тяжелых старых черных пишущих машинок с круглыми клавишами. Такие вещи делались на века. Я уже собираюсь закрыть коробку и снова попытаться поднять, как вдруг замечаю на черной каретке лист бумаги. Там что-то напечатано, и, вынув лист, я читаю:

Дорогая Грейс!

*Поздравляю тебя с тем, что ты меня нашла.
Я знал, что это будешь именно ты.*

Пожалуйста, возьми Реми (ему нравится, чтобы

его так называли) к себе домой и хорошенько о нем заботься. Он очень поможет тебе в будущем, как помогал многим людям в прошлом.

Но я должен предупредить, что имеется несколько правил для тех, кому он принадлежит.

Ты не можешь писать на Реми письма – только читать их.

Советы, которые дает Реми, могут лишь направить тебя, но он не сообщает детали. Например, даты и имена – под запретом.

При желании ты всегда можешь проигнорировать его – такое случается. Но помни: он всегда принимает близко к сердцу твои интересы.

Когда придет время передать Реми новому владельцу, ты получишь инструкции относительно того, как это сделать.

Удачи тебе!

С любовью.

Я

– Какого черта? – бормочу я, перечитывая письмо. – Реми? С какой стати давать имя пишущей машинке, а тем более называть ее Реми? – Я смотрю на коробку. – О, «Ремингтон»! Теперь понятно. – Я вижу название марки, написанное сверху золотыми буквами. – Но все же... все это немного странно. И зачем адресовать письмо мне? – Я качаю головой. – Я никогда не знала, что бедная Мейбл немного не в себе! Что она имела в виду? Как может старая пишущая машинка давать советы? И зачем понадобилось печатать на

ней письмо ко мне? Наверно, Мейбл знала, что я буду помогать маме очищать дом.

– Грейс! – Мамин голос доносится из прихожей. – Я нашла ту последнюю картонку. Пора ехать.

Но...? Я с подозрением смотрю на стоящую на письменном столе коробку, затем поспешно засовываю письмо внутрь и закрываю крышку. С огромным усилием подняв коробку, я тащу ее в фургон.

– Что это у тебя? – спрашивает мама, когда я с трудом помещаю коробку в фургон. – Я думала, мы все забрали.

– Я нашла это в кабинете. Это пишущая машинка.

Мама заглядывает в картонку и морщит нос.

– Хотя эти старые машинки красивы – а этой, пожалуй, лет сорок-пятьдесят, – мы просто не сможем ее продать. В наши дни люди помешаны на компьютерах. Ну, знаешь, «Армстад», «Коммодор» и все такое.

Да, знаю. В моей школе недавно установили компьютер, которым мы должны пользоваться раз в неделю. Даже ходят слухи, что скоро у нас будет «Синклер»⁴. Но меня поражает, что мама вообще что-то знает о компьютерах, да еще называет ведущие бренды.

– Что же мне с ней делать? – спрашиваю я. – Она уже в фургоне.

– Хочешь оставить машинку себе? – спрашивает мама. – Может быть, когда-нибудь она будет что-то стоить. Прими ее

---

⁴ Первые компьютеры «Синклер» были созданы в начале 1980-х.

в знак благодарности за твою помощь.

– Но только не вместо моего жалованья. Возможно, она еще работает, и я могла бы печатать на ней домашние задания.

– Конечно, не вместо твоего жалованья! – Мама обнимает меня за плечи. – Ты же знаешь, Грейс, как мы с папой ценим твою помощь! Без тебя мы бы не могли заниматься нашим бизнесом. – Она целует меня в макушку. – Ты хорошая девочка. И всегда была такой.

Да, но чего это мне стоит! Однако вслух я ничего не произношу.

– Ну что же, поехали. Отвезем все это в магазин, – говорит мама, направляясь к водительскому месту. – А потом ты сможешь подготовиться к своей сегодняшней вечеринке.

– Это не вечеринка, – возражаю я. – Просто схожу к приятелю посмотреть футбол.

– Да-да. – Мама усаживается на свое место. – Но никогда не знаешь, кого встретишь.

Глава 2

На длинном приморском бульваре полно сувенирных лавок, и во всех продается одно и то же: открытки с видами Сэндибриджа, фарфор, пластмассовые ведерки и лопатки, а также ярко раскрашенные, игрушечные ветряные мельницы. Когда я прохожу по бульвару сегодня вечером, они шумно вертятся под морским бризом. Еще здесь имеются мини-гостиницы «Кровать и завтрак», на которые всегда есть спрос, и два кафе. Но одно из них сейчас закрыто, и я замечаю объявление в витрине: «Новый владелец. Скоро откроемся». Есть и очень хорошая лавочка, где продается жареная рыба с чипсами. Сейчас перед ней выстроилась длинная очередь, которая, выплескиваясь из дверей, тянется по тротуару. Почуввав запах жарящихся чипсов, я чуть не присоединяюсь к ней.

«Нет, Грейс, – сурово одергиваю я себя. – Тебе нужно худеть, иначе ты никогда не влезешь в те джинсы. К тому же ты уже съела днем шоколадный батончик».

Я всегда переживала из-за своего веса, как и большинство девочек в моем классе. Вообще-то я не толстая, но слишком уж пухленькая. Поэтому мне постоянно приходится сражаться с любовью к вкусенькому.

Под бурчание в животе я прохожу мимо лавки с чипсами, направляясь к дому Дункана Брейтуэйта. Чтобы отвлечься

от мыслей о еде, я думаю о Сэндибридже. Интересно, почему люди приезжают сюда на каникулы, когда в мире так много соблазнительных мест? Правда, у нас два роскошных пляжа. Один из них, песчаный, выходит за черту города. Он находится рядом с маяком, и чтобы попасть туда, нужно перейти через мостик: отсюда и название нашего города⁵. Другой пляж, на который я сейчас смотрю, тянется вдоль длинного бетонного променада и полностью покрыт серой, белой и коричневой галькой.

Никогда еще у нас не бывало так оживленно. До реставрации Сэндибридж был тихим приморским городком – слегка захолустным, но по-своему очаровательным. Теперь же в телепрограммах о путешествиях его называют «оживленным маленьким морским курортом».

«Когда я вырасту, то уеду отсюда и посмотрю мир», – каждый раз говорю я себе, проходя по променаду и глядя на нескончаемый горизонт, туда, где небо сходится с морем. Хотя многих привлекают прелести моего города, я ни в коем случае не хочу навсегда застрять на побережье северного Норфолка. Не хочу вечно смотреть на линию горизонта, как это делали всю свою жизнь жители Сэндибриджа. Мир большой, в нем полно интересных, странных и волнующих вещей, и мне хочется увидеть и попробовать всё.

Но что же может быть более странным, чем пишущая машинка из дома Мейбл?

---

⁵ Sandybridge (англ.) – песочный мост.

Когда мы вернулись в антикварный магазин, я, как обычно, помогла маме выгрузить коробки из фургона. Затем я слонялась снаружи, а мама обсуждала с Дорис (леди, работающей у нас неполный день), как идут дела в магазине и продано ли сегодня что-нибудь.

Я никогда не задерживалась в магазине дольше, чем требуется. Меня не привлекают старые вещи, поскольку интересует не прошлое, а будущее. Да, в нашем магазине есть свое очарование, если вы любите старинные вещи. Когда в местной газете поместили статью о нашем магазине, написали, что он «причудливый и уютный». Но в пятнадцать лет меня не привлекало «причудливое» и «уютное». Пока мама пребывала в магазине, я лакобилась на улице шоколадным батончиком «Виспа».

Когда мама закончила свои дела с Дорис, мы забрались в фургон и поехали домой. Потом она помогла мне отнести тяжелую пишущую машинку в мою спальню. Я поставила ее на комод, предварительно сбросив на пол барахло, до которого у меня никак не доходили руки. Надо сказать, мама даже не поморщилась. Хотя она поддерживает безукоризненный порядок в нашем доме, мне она позволяет устраивать помойку в моей спальне, и я благодарна за это.

После того как мама вышла из комнаты, я немного повалялась на кровати. Я изучала постеры фильмов «Назад в будущее»⁶ и «Клуб «Завтрак»⁷, которые взяла в нашем мест-

---

⁶ «Назад в будущее» – фантастическая трилогия.

ном кинотеатре, а также фотографии «А-На»⁸. Таким образом я отчаянно искала намека у Майкла Джей Фокса⁹ или Мортена Харкета¹⁰ относительно того, что надеть сегодня вечером. Хотя, как я сказала маме, это не вечеринка, мне все равно хотелось хорошо выглядеть. Вероятно, там будет Дэнни Лукас, так как он дружит с Дунканом. А мне, как я ни противлюсь этому, нравится Дэнни.

Да, противлюсь. На самом деле Дэнни совсем не мой «тип» – если у меня вообще он есть. Мы никогда не встречаемся на занятиях, поскольку я в продвинутой группе, а у него успеваемость ниже. Таким образом, я вижу его только на уроках физкультуры. Там я всегда предстаю перед Дэнни в ужасном виде: красная, запыхавшаяся, с растрепанными волосами. Я пытаюсь не отставать от спортивных девиц, которым все дается без труда. Но, когда я вижу Дэнни, у меня сразу же пересыхает во рту. А если бы он посмотрел в мою сторону, я бы залилась краской. Итак, сегодня у меня редкий шанс. Скорее всего Дэнни на меня и не взглянет. Но я буду счастлива, если он улыбнется мне или двусмысленно подмигнет – как спортивным девицам, которые хихикают и ломаются в его обществе.

---

⁷ «Клуб «Завтрак» – фильм режиссера Джона Хьюза, вышедший в 1985 г.

⁸ «А-На» – норвежская музыкальная группа, созданная в 1982 г.

⁹ Майкл Джей Фокс – американский актер, снимавшийся в фильме «Назад в будущее».

¹⁰ Мортен Харкет – норвежский музыкант.

Приняв душ и вернувшись в свою комнату, я собираюсь переодеться перед вечеринкой. И тут я замечаю на машинке новый отпечатанный лист.

— Но как... что это...? — запинаясь, произношу я. Прекратив вытирать мокрые волосы, я подхожу к комоду и читаю первую строчку:

Дорогая Грейси!

Что? Я быстро выдергиваю лист из машинки и читаю:

Дорогая Грейси!

Ты даже не поняла, что это я обращаюсь к тебе, не так ли?

Ведь все называют тебя Грейс. Но очень скоро тебе встретится тот, кто будет называть тебя «Грейси», и тебе это понравится.

Дорожи этим человеком, так как он сделает тебя счастливой и всегда будет рядом, что бы ни случилось.

С любовью.

Я

Я перечитываю письмо три раза.

Как такое возможно? Каким образом машинка печатает, когда никого нет в комнате?

Я роняю на пол полотенце, надеваю халат и спешу вниз по лестнице.

— Мама!

Когда я вхожу в кухню, то вижу на столе записку.

Выскочила в магазин за молоком.

Вернусь через пару минут. Мама.

Странно... Я несусь вверх по лестнице и, схватив лист бумаги, снова перечитываю его. Как же такое может быть? И почему меня называли «Грейси»? Это какой-то дурдом. Пишущие машинки не могут печатать сами. Если первое письмо напечатала Мейбл, то кто же напечатал это?

Я качаю головой и говорю себе: «Грейс, сейчас у тебя нет на это времени. Да, конечно, это странно – но тебе пора одеваться». Бросив отпечатанный лист на ночной столик поверх плеера, я начинаю рыться в шкафу. Что бы такое надеть, чтобы заставить Дэнни Лукаса взглянуть на меня?

Завернув за угол Уэнделл-Клоуз, где живет Дункан, я замечаю парня, который направляется в ту же сторону, что и я. На нем тугие черные джинсы из грубого денима, куртка из той же ткани и рубашка в черную и красную клетку. Деним сейчас в моде у мальчиков, и при обычных обстоятельствах я бы не имела ничего против. Но дело в том, что, к моему неописуемому ужасу, он одет точно так же, как я! Единственная разница заключается в том, что вместо джинсов на мне короткая черная юбка из денима и темные колготки, а вместо кроссовок «Адидас» – лакированные лодочки.

Я уже собираюсь повернуть назад, лихорадочно соображая, успею ли зайти домой и переодеться до начала матча, как вдруг парень кричит мне через дорогу:

– Привет! Ты идешь к Дункану смотреть футбол?

Мне приходится ответить:

– Да, а ты?

Ты идиотка, Грейс! Ну, конечно же, он туда идет, иначе бы не спрашивал.

– Иду, – отвечает он, нервно улыбаясь. – Ты случайно не знаешь номер дома? Я здесь недавно.

Я перехожу через дорогу и приближаюсь к нему.

– Это недалеко, за углом. Я тебе покажу, если хочешь.

– Спасибо, буду признателен, – говорит мальчик, и мы идем рядом. – Между прочим, приятно познакомиться. – Он протягивает руку, затем смотрит на нее в ужасе, словно сделал невероятную глупость.

Сразу же исполнившись сочувствия, я поспешно пожимаю ему руку.

Он благодарно улыбается мне, затем замечает мой наряд:

– Симпатичный прикид.

– Спасибо, э-э... У тебя тоже.

– Да, недурной. Не так ли, *близняшка?* – усмехается мальчик. – Подумать только, я чуть не надел майку с футбольной символикой! Но подумал, что это уж слишком.

– Значит, ты любишь футбол? – *Ну и дура же ты, Грейс!* Что за тупые вопросы? Конечно, любит, раз у него есть такая майка!

– На самом деле нет. Я просто собирался одолжить ее у брата, а в последнюю минуту передумал. Между нами,

я терпеть не могу футбол. Но когда меня пригласили вчера, я подумал, что это хороший шанс поближе познакомиться с ребятами.

Значит, не я одна воспользовалась шансом проникнуть в компанию крутых ребят.

– Ты только что переехал в Сэндибридж? – Кажется, я не видела его раньше.

– Да, примерно неделю назад. Мои родители купили кафе на приморском бульваре.

– Я видела, что там идут работы. Похоже, будет мило, когда закончат.

– Да, я тоже подключился, как всегда. Ну, знаешь, семейный бизнес.

– Мне ли не знать: у моей семьи антикварный магазин на Лобстер-Пот-Элли.

– Вот как? Кажется, я его не видел. Как-нибудь схожу взглянуть.

– О, там ничего особенного. В Сэндибридже есть гораздо более интересные вещи, на которые стоит посмотреть.

– В самом деле? – Он поднимает темно-рыжую бровь.

– Да нет, вообще-то здесь ужасно скучно, – говорю я.

– Тогда хорошо, что я познакомился с тобой!

Его веснушчатое лицо заливается краской, и он опускает глаза.

– Ну вот мы и пришли! – от смущения слишком громко объявляю я.

Мы останавливаемся напротив дома Дункана Брейтуэйта, к которому ведет короткая подъездная аллея. Это один из двух домов, имеющих общую стену. Я звоню в дверной звонок, и мы в неловком молчании ждем на крыльце.

Наконец Дункан Брейтуэйт открывает дверь. Он одет в футболку с надписью на спине «Линекер»¹¹.

– Э-э... Грейс, – с трудом вспоминает он мое имя. – Я не знал, что ты придешь. И ты привела с собой друга?

– Нет, мы случайно встретились ... О, прости – я даже не знаю, как тебя зовут.

– Чарли, – отвечает мой спутник, ничуть не обидевшись. – Чарли Паркер.

---

¹¹ Гэри Линекер – британский бомбардир.

Глава 3

– Ну что же, Чарли и Грейс, заходите! – приглашает Дункан, широко распахивая дверь. – Матч пока еще не начался, и на кухне полно выпивки. – Он смотрит на нас в ожидании.

Черт возьми, а я и не подумала что-нибудь принести!

Но Чарли снимает с плеча рюкзачок.

– Пиво! – говорит он.

– Молодец! – Дункан хлопает его по спине. – Кухня там.

Мы проталкиваемся сквозь толпу собравшихся на кухне ребят.

– Откуда у тебя пиво? – спрашиваю я Чарли, удивляясь, что ему продали алкогольный напиток.

– Брат купил для меня, – шепотом отвечает он. – Ему восемнадцать.

Чарли ставит банки с пивом на столешницу рядом с другими напитками. Затем он берет пластиковый стаканчик и протягивает мне.

Я колеблюсь.

– О'кей, – шепчет он. – На самом деле я тоже его не люблю. – Он ставит банку пива обратно. – Фанта? – спрашивает он, обнаружив за бутылками с выпивкой несколько банок фанты.

Я с благодарностью киваю.

Чарли тоже берет себе фанту. Мы наблюдаем за футболь-

ными фанатами, которые явно наслаждаются жизнью. Кажется, они нас даже не заметили. Разбившись на маленькие группы, они смеются, болтают и потягивают лагерь из банок.

– Значит, ты тоже болельщица? – спрашивает Чарли, срывая колечко со своей банки. – Или просто пришла пообщаться, как я?

– Последнее, – отвечаю я, открывая свою банку. – На самом деле я терпеть не могу футбол! Но только никому здесь не говори, ладно?

Чарли усмехается:

– Буду свято хранить твой секрет. Итак, если ты не увлекаешься футболом, что же ты любишь? – осведомляется он.

Одна из крутых девчонок протискивается мимо нас за пивом.

– Привет, Грейс, – удивленно обращается она ко мне. – Симпатичная рубашка.

– Спасибо, Люси, – отвечаю я.

Я собираюсь продолжить разговор, но Люси уже исчезла, присоединившись к своей компании. Увы, я всего лишь мгновение побыла одной из «своих». Я поворачиваюсь к Чарли:

– Извини... что ты спросил? Ах да: что я люблю?

Чарли кивает:

– Гм-м... Я люблю ходить в кино. В Кромере есть кино-театр, я иногда езжу туда на автобусе.

– Что еще?

Я усиленно размышляю. Что же еще я люблю?

– Пожалуй, это все, – говорю я извиняющимся тоном. – В свободное время я в основном помогаю родителям в магазине. Ну, а еще, как и все, люблю музыку.

– А я нет, – сухо произносит Чарли. – Я совсем не увлекаюсь музыкой.

– В самом деле? – Меня изумляет его откровенность: ведь все стараются подражать остальным. – А что же тогда ты любишь?

– Природу, – отвечает Чарли, снова удивив меня. – Люблю настоящее, живое, которое живет и дышит – а не то барахло, которое производят, решив за нас, что оно понравится.

Я пристально смотрю на него. Чарли немного ниже меня, так что я вижу вихор на его макушке.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я, поняв, что слишком долго смотрю на его густые рыжие волосы.

– Разве ты не знаешь, что такое природа? Растения, животные... Люблю наблюдать, как что-то растет. Я в восторге, что стану жить у моря! Теперь смогу изучать все виды морской жизни. Это будет классно!

Я никогда не встречала никого, еще более странного, чем я. Но Чарли именно такой. Он не крутой, но ему на это наплевать. Ну что же, это очень подбадривает.

– Я рада, что ты восхищен перспективой постоянно жить в Сэндибридже. А вот я не могу дождаться, когда уеду отсюда.

– Почему?

– Я хочу путешествовать, увидеть мир.

– Это хорошо. – Чарли задумчиво кивает. – Значит, ты поедешь на следующей неделе на экскурсию в Норидж? Правда, это не тянет на кругосветное путешествие, но позволит тебе на денек уехать из Сэн-дибриджа.

Я морщусь нос:

– Но экскурсию организует молодежный клуб, а им руководит церковь. Поэтому будут сплошные святые места и памятники.

– Необязательно. Это может быть интересно.

– Значит, *ты* едешь?

– Может быть, запишусь...

– Ну что же, желаю удачи! А я не стану в субботу утром тащиться на автобусе в Норидж, чтобы посмотреть на старье. Мне хватает его и в Сэндибридже.

Чарли улыбается:

– Понятно. Но я думал, тебе хочется выбраться отсюда.

– Да, но куда-нибудь подальше Нориджа – в более заманчивые места.

– Круто. Так что же ты хочешь делать, когда закончишь школу? Чтобы путешествовать по миру, нужно накопить кругленькую сумму либо иметь работу, которая позволит путешествовать, – замечает Чарли.

Как ни странно, но, мечтая о путешествиях по миру, я никогда не задумывалась о том, смогу ли это себе позволить.

Какая же я глупая!

– Я еще не решила, – туманно говорю я. – Зависит от того, как я сдам экзамены в следующем году.

– Как тебе нравится, что мы будем последними, кто должен сдавать экзамен по программе средней школы? – К моему облегчению, Чарли меняет тему. – А как называется тот, новый?

– Экзамен на получение аттестата об общем образовании, – отвечаю я. – Да, это несправедливо.

– Такова жизнь, Грейси, такова жизнь.

– Грейс, – поправляю я и вдруг замолкаю.

Разве не сказано в письме, что кто-то назовет меня Грейси? Я подозрительно смотрю на Чарли.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Нет, просто... – О, как же ему объяснить? – Сегодня мне сказали, что кто-то назовет меня Грейси.

– И ты не ожидала, что это буду я? Верно?

Я вообще не ожидала, что меня так назовут. А тем более рыжеволосый парень по имени Чарли, с которым я только что познакомилась.

– Я не знала, кто именно так меня назовет.

– Но тебе не нравится, когда тебя так называют?

Я пожимаю плечами:

– Просто никто никогда не называл меня Грейси.

– Так тебя зовут Грейси? – слышу я мгновенно взволновавший меня голос глубокого тембра. – Не знал.

Обернувшись, я вижу Дэнни Лукаса, стоящего рядом с нами. Он берет с прилавка банку с пепси.

– Я... я... – запинаясь я. *Возьми себя в руки, Грейс. Это твой шанс!* – Да, ты прав, меня зовут Грейси. – Когда это имя произносит Дэнни Лукас, оно кажется мне самым лучшим в мире.

Из другой комнаты доносится вопль: «Сейчас начнется матч!» – и все устремляются в гостиную.

– Пора идти! – говорит Дэнни, улыбаясь мне. – Грейси, как, по-твоему, пройдет матч?

– Э-э... – О, господи, я же ничего не смыслю в футболе! Затем я вспоминаю майку Дункана. – Я думаю, Линекер сыграет, – говорю я с компетентным видом.

– И получит «Золотую бутсу»?¹² Возможно, ты права.

– У них золотые бутсы? – задаю я дурацкий вопрос, так как сейчас вообще не способна мыслить. Дэнни Лукас говорит со мной, и это потрясающе!

На красивом лице Дэнни появляется неотразимая улыбка:

– А ты еще и забавная! Почему же мы никогда не встречались раньше, Грейси?

– Я... я в самом деле не знаю.

– Не хочешь сидеть рядом со мной во время матча? – спрашивает Дэнни.

Еще бы!

---

¹² «Золотая бутса» – награда, которая ежегодно вручается лучшему бомбардиру футбольного чемпионата.

– Да, пожалуйста... – Я глупо ухмыляюсь, затем, вспомнив о Чарли, поворачиваюсь к нему.

– О, ребята, вы вместе? – удивляется Дэнни. – Извините, я не знал.

– Нет! – резко произношу я, так как долгожданный шанс ускользает от меня. – Я имею в виду, что мы пришли вместе, но мы не... Ну, ты понимаешь.

– Даже если так, я не хочу задеть чьи-то чувства. – Дэнни с улыбкой направляется к двери. – Пообщаемся после, ребята. Я не могу пропустить самый важный матч Англии за все годы, не так ли? – И он исчезает за дверью кухни, а я печально смотрю ему вслед.

– Он тебе нравится, да? – с невинным видом спрашивает Чарли.

– Нет... – Я снова поворачиваюсь к нему. – Ну... вообще-то да. – Я вздыхаю. – Это так заметно?

Чарли усмехается:

– Самую малость. Пошли, Грейси. Уверен, теперь ты не против того, чтобы тебя так называли. Давай наберемся терпения и выдержим этот матч. Мы же не хотим отрываться от общества? Иначе какой был смысл приходить сюда?

Итак, мы с Чарли сидели рядом и смотрели футбольный матч. Я, стараясь выказать энтузиазм, вопила, подбадривала игроков и стонала, как это делали другие. Но мне было очень трудно терпеть такое притворство на протяжении девятидесяти

минут.

К тому времени, как мы с Чарли пришли в гостиную, все лучшие места уже заняли. Нам пришлось втиснуться вдвоем в кресло-грушу, которое, как и все эти кресла, *выглядело* ужасно удобным. Но на нем невозможно было сидеть в элегантной позе, а еще труднее – подняться, сохраняя хоть какое-то достоинство.

Когда Марадона (или Мадонна, как его все называли) явно забил гол рукой, а не ногой, в гостиной начался ад крошечный. Посыпался град насмешек и бранных слов в адрес судьи. Но спустя несколько минут Марадона снова забил гол, и все сказали с придыханием: «высший класс», «гений». В результате я совсем запуталась.

Остаток матча я провела, украдкой поглядывая на Дэнни Лукаса в те минуты, когда он был поглощен игрой.

О, боже, он был великолепен! Его ясные синие глаза сверкали от восторга, когда английской команде сопутствовал успех.

К концу первого тайма Гэри Линекер забил гол, и все повскакивали с мест, с радостными воплями обнимая друг друга. Мы с Чарли так долго выбирались из кресла, что «обнимашки» уже закончились. В утешение себе мы сделали друг другу «дай пять».

Потом все снова уселись, и отчаяние теперь сменилось надеждой. Все призывали англичан снова забить гол, и даже нас с Чарли захватило всеобщее волнение. Но, увы, наши на-

дежды не оправдались. Аргентина выиграла со счетом 2:1, и Англия снова потерпела поражение.

Дункан встал и с мрачным видом выключил телевизор, прерывая разглагольствования телевизионных комментаторов. Они обсасывали каждый миг последних девяноста минут – особенно «гандбол» Марадоны, который рассматривали со всевозможных точек зрения.

– Ну что же, вот и все, – вздохнул Дункан и снял огромный английский флаг, повисевший весь матч над камином. – Снова продули.

Остальные горестно кивают.

Интересно, что не так с этими ребятами? Это всего лишь игра!

Хотя осталось еще много алкогольных напитков, вечеринка явно пошла на убыль. Все вяло обсуждали игру, в особенности решение судьи об ударе рукой.

– Весело, не правда ли? – прокомментировал Чарли, когда, заняв прежнюю позицию на кухне, мы наблюдали за остальными.

– Да уж. Можно подумать, что кто-то умер. А ведь всего-навсего проиграли футбольный матч!

– Держу пари, что половина собравшихся не так уж и расстроена, – продолжает Чарли. – Они только напускают на себя печальный вид, чтобы не отрываться от других.

Я улыбнулась ему.

– Что? – Он вопросительно посмотрел на меня.

– Подобное поведение раздражает, не так ли? – говорю я. – Разве они не могут думать *своей* головой?

Чарли задумчиво обвел взглядом собравшихся:

– Знаешь, по-моему, не могут!

Чарли в самом деле начал мне нравиться. Он отличается от всех, кого я знаю.

– Похоже, ты оказалась права, Грейси. – Услышав так близко волнующий голос Дэнни Лукаса, я резко оборачиваюсь.

– П-права н-насчет чего? – заикаясь, спросила я.

– Насчет того, что Линекер выиграет и получит «Золотую бутсу»! Ты умница!

– Ах да, я так сказала, не правда ли?

– Ну, вообще-то ты считала, что они *носят* золотые бутсы, – бормочет Чарли у меня за спиной.

Я предпочитаю проигнорировать его. Сейчас я вижу только прекрасное лицо Дэнни Лукаса, синие глаза, которые смотрят прямо на меня... Его красивые губы что-то произносят...

О чем это он? Что-то насчет экскурсии...

– Я еду, – говорит Чарли. – А Грейси нет.

– Я... Я этого не говорила, – с улыбкой обращаюсь я к Дэнни. – Я сказала, что еще *думаю*, ехать ли.

– Ты обязательно должна поехать, – настаивает Дэнни. – Экскурсии молодежного клуба обычно очень хорошие.

– Ну что же, в таком случае я непременно запишусь на нее.

Дэнни одаривает меня ослепительной улыбкой, и я чувствую, что не зря пришла на вечеринку.

– Ты чудесная, Грейси. Значит, увидимся в следующую субботу.

– Да, конечно, – шепчу я, и он возвращается в круг избранных.

В кои-то веки меня не огорчает, что не вхожу в этот круг избранных. Я поворачиваюсь к Чарли, и он усмехается.

– Насчет *Чудесной* Грейси не знаю – скорее уж *Легковерная* Грейси.

Но мне все равно. Дэнни Лукас наконец-то заметил меня! И назвал меня Грейси – именно это и предсказывала пишущая машинка.

Дэнни Лукас займет совсем особенное место в моей жизни, в чем я не сомневаюсь.

Глава 4

Когда я просыпаюсь, меня ждет следующее письмо.

Сначала я не вижу его. Глаза постепенно привыкают к свету, который, как всегда в солнечное утро, льется сквозь тонкие занавески. И тогда я замечаю, что белый лист бумаги (я вставила его в каретку вчера вечером перед сном) покрыт старомодным шрифтом.

Я соскакиваю с кровати и бросаюсь к комоду. Осторожно вынув лист, я читаю:

Дорогая Грейс!

Поздравляю! Ты встретила его, своего единственного! Не хочется напоминать, что именно я предсказал тебе это, но так оно и есть! Он назвал тебя Грейси, и тебе это понравилось.

Я так рад, что ты решила участвовать в школьной экскурсии вместе с твоими новыми друзьями! Этот день будет очень важен для твоего будущего. Мне бы хотелось сказать почему, но, к сожалению (как тебе известно), я не могу это сделать.

Просто поверь мне: что бы ни случилось, всё к лучшему!

С любовью.

Я

Каким образом поездка в Норидж может иметь такое большое значение для моего будущего? Разве что я сяду в ав-

тобусе рядом с Дэнни Лукасом? Непонятно, почему осмотр древних памятников столь важен для меня. Мои мысли снова возвращаются к Дэнни. Ну что же, если в письме подразумевается именно он, то я обеими руками «за»!

– Грейс! – Голос мамы пробуждает меня от грез. – Ты еще не проснулась? Вильсон рвется гулять! Сходи с ним до занятий в школе.

– Мама, я в учебном отпуске! Я же тебе говорила! – кричу я в ответ, бросая взгляд на последнее письмо.

Я понятия не имею, каким образом появляются эти письма, но не собираюсь ими пренебрегать. Нелегкая доля – быть подростком в восьмидесятые. И если маленькая пишущая машинка хочет помогать мне советами следующие несколько лет – так тому и быть! Письма от подержанной старой машинки – это, конечно, не «Электрические грезы»¹³ и даже не «Военные игры»¹⁴. Эти кинофильмы, основанные на компьютерных играх, я с удовольствием смотрела в кино. Нет, я вряд ли превращусь в Мэтью Бродерика¹⁵ и начну третью мировую войну, не так ли?

– Ах да, я забыла. У тебя сегодня экзамен?

– Пробный экзамен¹⁶, – поправляю я. – Нет, не сегодня.

---

¹³ «Электрические грезы» – музыкальная фантазия 1984 г.

¹⁴ «Военные игры» – фильм Джона Бэдхема, вышедший в 1983 г.

¹⁵ Мэтью Бродерик – американский актер и певец, снимавшийся в «Военных играх».

¹⁶ Пробный экзамен проводится в некоторых школах перед экзаменом на аттестат зрелости.

Сейчас я схожу с Вильсоном, через минутку.

Я надеваю джинсы, свитер, старые кроссовки и спускаюсь по лестнице. У двери суется Вильсон – наш лохматый пес, пребывающий в волнении.

– Можно подумать, у нас нет сада! – обращаюсь я к собаке, ероша ее пятнистую, коричневую с серым шерсть.

– Ты же знаешь, он не ходит в саду по-большому, – возражает мама, ставя на стол тосты, разложенные на старинной серебряной решетке. – Наверно, прежние хозяева не позволяли ему это делать.

Мы взяли Вильсона после того, как мама с папой провели очистку одного дома. В нем жил пожилой мужчина, у которого из родственников остался только племянник. Он приехал из Лондона, чтобы проследить за очисткой дядиного дома.

– Его соседи говорят, что благодаря собаке дядя сохранял бодрость, – рассказывал нам племянник покойного. Вильсон с несчастным видом лежал в углу, свернувшись на одеяле. – Но никто из них не хочет его взять, я уже спрашивал.

– Так что же с ним будет? – спросила я, с сочувствием глядя на осиротевшую собаку.

– Наверно, придется отдать в приют. Я не могу взять его с собой, поскольку живу в крошечной квартирке в Челси. Там не позволяют заводить домашних животных – а тем более такую большую собаку.

Вильсон, не поднимая голову с одеяла, печально смотрел

на нас.

– Мама...? – начала я.

– Нет, Грейс, мы не можем. Он такой большой! Куда мы его поместим?

– Мы можем устроить ему постель на кухне или в гостиной.

– Но с ним нужно так много гулять, Грейс! Посмотри, какой он большой.

Вильсон действительно был довольно крупный. На мой взгляд – а я не слишком хорошо разбираюсь в собаках, – это помесь волкодава с эрдельтерьером. У него грубая шерсть, и ее не мешало бы хорошенько расчесать. Но у этого пса потрясающие, невыразимо печальные глаза. Лежа на своей постели, он наблюдал за мной.

– Я буду с ним гулять, – обещаю я и добавляю, не давая маме возразить: – Даю слово! Ну пожалуйста, мама! Ты только посмотри на него! Мы не можем его бросить. И в твоей рекламе говорится о *полной* очистке дома, а Вильсон – часть этого дома. Так что это наш долг перед ним.

Разумеется, в конце концов мама согласилась, и Вильсон поселился у нас. Я с гордостью могу сказать, что сдержала слово: я гуляю с ним каждый день. Я подозревала, что Вильсон очень скучает по своему прежнему хозяину, но он быстро у нас освоился. И хотя пес очень крупный, с ним нет никаких хлопот. Однако если вы забываете с ним погулять, он скулит и пристает, пока не добьется своего.

Я снимаю с крючка красный кожаный поводок Вильсона.

– Я скоро вернусь! – кричу я, пристегивая поводок к ошейнику собаки.

– А как насчет завтрака? – напоминает мама, появляясь на пороге.

– Я что-нибудь перехвачу позже, – отвечаю я. – Мы же не хотим, чтобы Вильсон сделал лужу на полу, не так ли?

– Только непременно поешь, Грейс. Ты сильно похудела в последнее время.

Если бы!

– Конечно, мама, – обещаю я. – Обязательно.

Сегодня прекрасное летнее утро, на ясном голубом небе ни облачка. Мы с Вильсоном идем по нашей улице, направляясь к любимому приморскому бульвару. Море Вильсон любит, но потом приходится его мыть. Купать такую большую собаку нелегко, поэтому я не так уж часто позволяю ему плескаться в волнах. Иначе его густая шерсть намокнет и сваляется от песка.

Почти все новые дома в Сэндибридже удалены от моря, и только ряд небольших викторианских домов тянется вдоль приморского бульвара. Большинство этих домиков с годами превратилось в гостиницы «Постель и завтрак». Мы с Вильсоном проходим по нескольким улицам, включая главную, затем сворачиваем на променад и направляемся к пляжу.

Еще совсем рано, и, хотя магазины на главной улице уже работают, большинство лавок на приморском бульваре еще

закрыто. Их владельцы предпочитают позже начинать и позже заканчивать, чтобы обслужить как можно больше отдыхающих. Правда, в маленьких гостиницах уже подают завтрак. Проходя мимо, мы с Вильсоном чувствуем запах жарящихся сосисок и бекона.

— Когда мы вернемся, я раздобуду что-нибудь вкусненькое, — обещаю я. — К тому времени мама и папа уже уйдут в магазин, и мы найдем что-нибудь получше сухого корма, Вильсон! Бог с ней, с диетой, — я проголодалась!

Вильсон одобрительно гавкает, и мы продолжаем наш путь. Когда мы приближаемся к пустующему кафе, я замечаю людей внутри помещения, в том числе Чарли.

Словно почувствовав, что за ним наблюдают, он оборачивается и машет мне.

— Привет! — говорит он, отпирая дверь. — Кто это?

— Вильсон, — отвечаю я, и Вильсон в знак приветствия лижет Чарли руку.

— Привет, Вильсон! — Чарли гладит пса по голове. — Ты не говорила, что у тебя есть собака.

— Да, не говорила. Можно мне добавить его к моему списку хобби? У меня уходит на него уйма времени!

— Кто это, Чарли? — К нам присоединяется женщина в белом рабочем халате. Вероятно, это мать Чарли: у нее такие же рыжие волосы.

— Мама, это Грейси и Вильсон. Мы познакомились вчера вечером, когда смотрели футбол.

– Ну что же, привет, Грейси! Какое красивое имя, – говорит она, улыбаясь мне. – Вы не зайдете? Правда, нам особенно нечем вас угостить: ведь мы еще не открылись. Но чашка чая найдется. Здесь всегда рады друзьям Чарли.

– Это очень любезно с вашей стороны, миссис...

– О, пожалуйста, называйте меня Мэгги, – просит она.

– Мэгги. Но я вывела Вильсона на утреннюю прогулку, и уж лучше ему не околачиваться в вашем кафе. Ему не терпится погулять, и он устроит настоящий разгром.

Мэгги бросает взгляд на Вильсона, который очень кстати отряхивается, так что во все стороны летит шерсть.

– Да... могу себе представить. – Она смотрит на Чарли. – Чарли, ты не хочешь устроить себе перерыв и погулять вместе с Грейси?

– Мама... – Чарли краснеет. – Может быть, Грейси не нужна компания.

– Я буду рада, – серьезно возражаю я. – Вот насчет Вильсона не знаю. – Я подмигиваю Чарли, и он усмехается в ответ.

– Что скажешь, Вильсон? – спрашивает Чарли.

– Гав! – дружелюбно откликается Вильсон.

Когда мы удаляемся, за нами с интересом наблюдают три пары глаз. Это Мэгги, Питер (отец Чарли) и его брат Люк. Чарли явно смущается из-за этого.

– Прошу извинения за них, – говорит Чарли. – Я не часто куда-нибудь выхожу, и в таких случаях они волнуются.

Сегодня Чарли, как и я, одет буднично: на нем голубые джинсы и темно-синяя толстовка с капюшоном. Я рада, что он тоже не раб моды.

– Мне это знакомо: мои родители такие же. Правда, мне еще хуже: я у них одна. А у тебя, по крайней мере, есть Люк, так что внимание родителей делится пополам.

– Да, пожалуй, тут есть свои плюсы. – Он смотрит на меня. – Значит, ты единственный ребенок?

Я киваю.

– Это тебя не огорчает?

Никто прежде не задавал мне такой вопрос. Обычно люди говорят: «Наверно, это здорово, когда нет братьев и сестер, которые ссорились бы с тобой и воровали твои вещи». Или даже: «Наверно, родители очень тебя балуют, счастливица!»

– Нет, не думаю, – отвечаю я, немного поразмыслив.

– Это хорошо. Ты когда-нибудь спускаешь Вильсона с поводка? – спрашивает он, меняя тему.

– О да, он любит пляж. Но если спускаю, то потом приходится его купать.

– Тогда пошли на пляж, – предлагает Чарли. – На тот, песчаный, за мостом. Я помогу тебе купать Вильсона, если он слишком перепачкается.

– Ты пожалеешь об этих словах! – поддразниваю я. – Но вообще-то спасибо. Сегодня прекрасное утро, и на пляже пока что мало отдыхающих. Вильсон будет в восторге!

Мы сворачиваем с покрытого гудроном променада на мо-

щеную улицу, затем идем по узкой тропинке. Она ведет к каменному мостику, по которому мы перебираемся на песчаный пляж.

Теперь мы направляемся в сторону коттеджа «Маяк», который мы с мамой вчера очищали. Я спускаю Вильсона с поводка, чтобы он побегал по песку.

– Вот так-то лучше, – одобрительно замечает Чарли. – Мне нравится смотреть, как животные проявляют себя во всей красе.

– Через минуту ты действительно увидишь его во всей красе, – обещаю я. – Подожди, пока он зайдет в море!

Мы наблюдаем, как Вильсон большими прыжками устремляется к волнам и входит в воду.

– Ты у меня дождешься! – кричу я.

Вильсон начинает рыть яму на мелкой воде.

Чарли с открытым ртом смотрит, как летят большие комья и как собака покрывается песком.

– Теперь я понимаю, что ты имела в виду, – говорит он с гримасой. – Но, по крайней мере, он наслаждается жизнью.

– Да уж! Пошли, Вильсон! – зову я. – Можешь выкопать яму в другом месте.

Наконец нам удастся убедить Вильсона оставить вырытую яму, и он галопом мчится впереди нас.

– Значит, ты сегодня не в школе? – спрашивает Чарли.

– Нет, у меня учебный отпуск. Я сейчас готовлюсь к пробному экзамену.

– Мне бы тоже следовало сейчас этим заниматься.

– Да, не самое подходящее время для перехода в другую школу.

– Так уж получилось, – усмехается Чарли. – Вероятно, ты уже поняла, что я не из крутых ребят и хочу получить образование. Но подвернулась возможность купить кафе в Сэндбридже, и родители ухватились за нее. Однако пропустить пробный экзамен... В будущем году придется туго без него.

– Понятно... – Мне тоже вряд ли понравилось бы, если бы мои родители вдруг объявили, что мы переезжаем. – А что ты собираешься делать после экзамена на обычном уровне?¹⁷ Если будешь сдавать его?

– Да, буду, – отвечает Чарли. – В этой школе есть шестой класс, верно?

– Да.

– Тогда я буду сдавать экзамен на повышенном уровне¹⁸ по биологии и математике плюс физика или химия.

– Значит, тебе нравятся естественные науки?

– Просто эти предметы мне лучше даются. А как насчет тебя?

– Я пока что не уверена. Вероятно, английский плюс искусство и драма¹⁹. Во всяком случае, что-то в этом роде. Это

---

¹⁷ Экзамен на обычном уровне сдается по окончании пятого класса.

¹⁸ Экзамен по программе средней школы на повышенном уровне сдается по окончании шестого класса.

¹⁹ Предмет «Драма» преподают в английских школах с 1988 г.

зависит от результатов экзаменов.

– Значит, ты полная противоположность мне. Мисс Творческая Личность.

– *Просто эти предметы мне лучше даются*, – передразниваю я, и он смеется.

– Так ты собираешься следовать семейной традиции? Изучать историю и заниматься антикварным магазином?

– Не больше, чем ты – изучать домашнюю экономику и заниматься кафе! Нет, я терпеть не могу историю, она наводит на меня смертельную скуку.

– Я бы не мог пойти по стопам моих родителей, даже если бы захотел, – вдруг говорит Чарли. – Меня усыновили.

– О... извини, – запинаясь, выговариваю я.

– Тебе не за что извиняться, – спокойно произносит Чарли. – Мы получили прекрасное воспитание – и я, и Люк. Его тоже усыновили, и мы с ним не родные братья, – добавляет он. – Нас усыновили в разное время.

– А...

– Так что у нас с тобой есть что-то общее: я тоже не люблю историю. Потому что у меня нет *собственной* истории.

Чарли очень прагматичен. Не уверена, что могла бы так спокойно рассуждать на его месте.

Вильсон начинает рыть другую яму, и мы останавливаемся рядом. Тишину нарушают только крики чаек, которые кружат наверху, и шум прибрежного бриза.

– Итак, ты терпеть не можешь историю, но собираешься на

экскурсию в субботу. И будешь осматривать собор и замок, — неожиданно замечает Чарли. — Наверно, тебе действительно нравится Дэнни. Ведь ты сделаешь то, чего тебе не хочется, — лишь бы быть с ним. — Чарли не отрывает взгляда от Вильсона, который упорно трудится на влажном песке.

— Это не единственная причина, по которой я еду на экскурсию. Я...

— Значит, ты признаешь, что это одна из причин? — с торжествующим видом перебивает меня Чарли.

Я решаю сказать правду, так как Чарли мне нравится. У меня не так уж много друзей, которые пошли бы гулять со мной и Вильсоном, а тем более предложили помощь выкупать его.

— Возможно, и нравится, — отвечаю я небрежным тоном. — А что тут плохого? Тебе же, наверно, нравятся девочки?

Бледное веснушчатое лицо Чарли заливается румянцем, и он упорно смотрит не на меня, а на море.

— Ну, ты же... Тебе не нравятся девочки?

Чарли поворачивается ко мне:

— Ты хочешь спросить, не гей ли я? Нет, не гей. — Он колеблется. — У меня просто мало опыта общения со слабым полом, вот и все.

Снова воцаряется молчание, на этот раз неловкое.

— В этом нет ничего плохого, — в конце концов говорю я, пиная высохшие водоросли. — Все мы разные.

— У моего брата первая девушка была в двенадцать лет, —

сообщает Чарли с удрученным видом.

– Seriously? – удивленно произношу я. – А что же они делали на свиданиях? Смотрели «Голубого Питера»?²⁰

Чарли перестает хмуриться.

– Нет, давай отдадим им должное, – продолжаю я, радуясь, что он улыбнулся. – Это был «Грэндж-Хилл»?²¹

– Ладно, я вел себя глупо, – признает он. – А у тебя было много бойфрендов?

– Ни одного. Если не считать поцелуя по-быстрому с Найджелом Джефферсоном на заднем сиденье автобуса.

– В самом деле? – Чарли корчит рожу. – Тот самый, который смотрел с нами футбольный матч?

– Да. Тогда он еще не носил брекеты, и зубы выпирали, как у кролика. Из-за этого с ним было нелегко целоваться.

Чарли усмехается:

– Ты забавная.

– Правда?

Он кивает.

– Знаешь, меня просто подначили. Ну, чтобы я поцеловалась с Найджелом. Он мне не нравился, ничего такого. Просто один из мальчишек подначил меня.

– И ты поцеловалась? Тогда я буду осторожен и не стану

---

²⁰ «Голубой Питер» – британская детская телевизионная программа, которую впервые начали передавать в 1958 г.

²¹ «Грэндж-Хилл» – комический сериал, который транслировали с 1978 по 2008 г.

тебя подначивать в будущем!

Меня захлестнула волна радости при мысли, что Чарли будет и в будущем. Он мне нравится, а мне давно не нравился никто из моих ровесников. Обычно я дружу с девочками в школе, чтобы было с кем прогуливаться на перемене.

– Значит, у тебя нет бойфренда. Но ты бы хотела, чтобы Дэнни был твоим первым? – напрямик спрашивает Чарли.

Теперь уж краснею я.

– Да... то есть нет. О, не знаю... Вероятно, я ему даже не нравлюсь.

– Как ты можешь не нравиться?

Я смотрю на Чарли. Такое же смущенное выражение лица было у него вчера вечером, когда он первым протянул мне руку. Воцаряется неловкое молчание.

К счастью, положение спасает Вильсон, который начинает гоняться по пляжу за испуганным йоркширским терьером.

– Вильсон! – кричу я. Никогда в жизни я так не радовалась его плохому поведению. – Сейчас же прекрати!

Нам удастся догнать Вильсона, и я пространно извиняюсь перед миссис Чемберлен. К счастью, я ее знаю, так как она иногда заходит в наш антикварный магазин. Затем мы отправляемся домой, чтобы смыть песок со шкуры Уилсона, и возникшая между нами неловкость исчезает.

Глава 5

Реми (так я его теперь называю) больше не писал мне писем – последнее я получила после футбольного матча.

Когда утром звонит будильник, я с трудом открываю глаза. Ну зачем я согласилась на эту дурацкую экскурсию? Сегодня выходной, и даже когда я по субботам помогаю родителям, мне не приходится так рано вставать.

Наконец мне удастся окончательно открыть глаза, и я замечаю знакомый лист на каретке Реми. Все еще протирая глаза, я соскакиваю с кровати и подхожу посмотреть.

Дорогая Грейс!

Итак, пришел день твоей поездки в Норидж. Как я знаю, единственное, что тебя волнует, – это обратит ли на тебя внимание один мальчик. Но, пожалуйста, Грейс, радуйся не только этому. Сегодня случится то, что изменит твою жизнь к лучшему. Я тебе это обещаю.

С любовью.

Я

«Что же такое случится? – бормочу я, укладывая письмо в верхний ящик – к остальным, уже полученным. – Мы всего лишь отправляемся на экскурсию в Норидж. Можно подумать, летим на «Конкорде»²² в Нью-Йорк!»

---

²² «Конкорд» – сверхзвуковой реактивный пассажирский самолет.

Но в душе я с радостью предвкушаю этот день и вдруг с удивлением понимаю, что причина вовсе не в Дэнни Лукасе. Нет, дело в том, что я проведу этот день с моим новым лучшим другом, Чарли.

В последнюю неделю мы с Чарли виделись часто. Он вместе с родителями готовит кафе к открытию, но при этом успевает заходить ко мне и помогает готовиться к экзаменам. Несколько раз он выгуливал Вильсона один, чтобы у меня оставалось побольше времени для занятий. Это очень трогательно, хотя он и утверждает, что получает от прогулок удовольствие.

Хотя Чарли говорит, что я забавная, на самом деле это он смешит меня до слез своим суховатым юмором и необычным взглядом на мир. Я обожаю проводить с ним время.

Автобус должен забрать нас на променаде, неподалеку от кафе Чарли. Как ни странно, на остановке собралась целая толпа. Наверно, эти экскурсии молодежного клуба интереснее, чем я думала.

Заметив Чарли, беседующего с Дунканом Брейтуэйтом, я машу ему.

– Привет! – говорит Чарли.

– Привет! – отвечаю я с улыбкой. – Что-нибудь случилось?

– Ничего, просто беседуем с Дунканом об экскурсии.

Но Дункан уже отошел к кому-то другому.

– Вероятно, он нашел кого-то поинтереснее, – замечает Чарли. Он делает вид, будто ему все равно, но я-то вижу, что

его задело пренебрежительное отношение Дункана.

Я сочувствую ему. Уж я-то знаю, каково это: со мной такое постоянно случается, когда я болтаю с девочками в школе. Похоже, с нами можно поговорить, пока не подвернется кто-нибудь получше.

Я чувствую себя виноватой: ведь я точно так же вела себя с Чарли на вечеринке, когда Дэнни обратил на меня внимание.

– Не знаю, мне с тобой всегда интересно, – уверяю я.

– Даже когда я рассуждаю о брачных повадках морской звезды? – Чарли подмигивает мне.

Во время одной из прогулок с Вильсоном Чарли целых пятнадцать минут рассказывал о моллюсках, морских звездах и ракообразных. Наконец я упала на мягкий песок и, закрыв глаза, громко захрапела.

– Гм-м... Возможно, с брачными повадками получился перебор, – соглашаюсь я, наморщив нос. Но насчет регенерации было очень интересно. Только представь себе, что у людей отрастали бы руки и ноги взамен утраченных! Это было бы настоящее медицинское чудо.

И вдруг я замечаю Дэнни, который ждет автобуса вместе с другими крутыми ребятами. Как же это я пропустила его? Он сидит на одной из деревянных скамеек, которые тянутся вдоль променада. Крутой, расслабленный и совершенно неотразимый...

Дэнни замечает, что я смотрю на него, и небрежно мне

машет.

– Тебя подхватить? – спрашивает Чарли. – А то еще упадешь в обморок: ведь тебе помахал Дэнни Лукас!

– Ха-ха, очень смешно! – Я пытаюсь столь же небрежно махнуть Дэнни.

Дэнни подмигивает мне с улыбкой, и я чувствую, что земля действительно уходит из-под ног.

– Автобус! – вдруг кричит кто-то, и мое общение с Дэнни прерывается. Повернувшись, я вижу, как рядом с нами останавливается красный автобус.

– Пошли! – зовет Чарли, когда двери открываются и ребята начинают заходить. – Надо занять хорошие места!

Следом за Чарли я сажусь рядом с ним в средней части автобуса. Крутые ребята сразу же направляются в самый конец.

– Рад, что ты смогла поехать, Грейси, – непринужденно бросает Дэнни, проходя мимо нас.

– Я бы ни за что не пропустила это, Дэнни! – пронзительно пишу я.

Дэнни открывает рот, собираясь что-то сказать, но его прерывает одна из девчонок. Она зовет: «Сюда, Дэнни! – на несколько октав ниже моего писка. – Я заняла для тебя место!»

Дэнни пожимает плечами и, улыбнувшись мне, следует дальше.

Мне отчаянно хочется привстать, чтобы посмотреть, кто

так не вовремя отвлек Дэнни и – что еще важнее – с кем он сядет. Но это было бы слишком заметно. Я сижу, уставившись на спинку сиденья, к плюшевой обивке которого кто-то прилепил жвачку.

– *Я бы ни за что не пропустил это!* – передразнивает меня Чарли, очень точно подражая моему пронзительному голосу. Повернувшись, я вижу, как он отчаянно хлопает ресницами.

– И совсем на меня не похоже! – отрезаю я и добавляю шепотом: – Я и правда упала за борт?

– Я бросил тебе невидимый спасательный круг.

Я делаю гримасу:

– Ничего не могу с собой поделать. Когда я с ним говорю, то перестаю соображать и мелю чушь.

– Ну, не такую уж чушь, – возражает Чарли. – Просто это не очень круто, вот и всё.

Я закатываю глаза и откидываюсь на спинку кресла:

– Тогда мне нужно научиться быть круче.

– Это не так-то легко, – говорит Чарли. – Почему бы тебе просто не быть собой?

– Потому что он перестанет меня замечать, не так ли?

– Я же заметил.

– Ну, ты же мой приятель. Ты не в счет.

– Ура! – восклицает Чарли. – Приятно сознавать, что я не в счет.

– Я не это имела в виду, ты же знаешь.

Привстав, Чарли смотрит в проход.

– Похоже, все уже в автобусе, – говорит он, снова усаживаясь. – Через минуту тронемся, и ты сможешь всю дорогу придумывать, как стать круче. А я попытаюсь дочитать роман Стивена Кинга. – Он вынимает из рюкзака книжку в мягкой обложке.

– Это в самом деле Кинг? – недоверчиво осведомляюсь я.

– Да, – отвечает Чарли, показывая мне обложку.

– О, вижу. – Книга называется «Оно». – Так вот, я имела в виду...

– Я знаю, что ты имела в виду, Грейси. Но я считаю, что тебе ни к чему меняться, и не стану в этом помогать. Впрочем, это твое дело. – И он начинает читать Кинга.

– Прекрасно, – тихо бормочу я. – Тогда мне придется самой изобрести способ, как стать круче.

В дороге нам раздали листки с расписанием экскурсии. Мы с Чарли перестаем дуться (точнее, перестаю дуться я: Чарли поглощен своей книгой) и читаем вместе:

Молодежный клуб Сэндибриджа

Поездка в Норидж: суббота 28 июня 1986

10.00: прибытие и посещение Нориджского собора.

Вы можете осматривать собор самостоятельно, но мы призываем вас потратить время на то, чтобы оценить красоту этой церкви, которой 900 лет.

11.00–13.00: свободное время и перерыв на ланч.

Вы можете самостоятельно обследовать все, что может предложить этот красивый город, – но только не магазины!

13.00–15.00: посещение Нориджского замка.

Нам очень повезло: экскурсию по собору проведет гид. Просьба не задерживаться на ланче.

15.30. Пожалуйста, быстро возвращайтесь в автобус.

Мы отправляемся домой ровно в 16.00.

Спасибо – и удачного вам дня в Норидже.

– Хорошо организовано, не правда ли? – говорю я, закончив читать расписание.

– Еще бы! Ведь им нужно держать под контролем банду подростков. Меня удивляет, что некоторых спускают с поводка.

– Извини за то, что я сказала раньше. Мне хотелось, чтобы Дэнни меня заметил, вот и всё.

Чарли поворачивается ко мне:

– Грейси, тебе бы пора знать, что он *заметил*.

– Честное слово? – спрашиваю я, широко раскрыв глаза. – Почему ты так думаешь?

– Мужская интуиция, – с серьезным видом отвечает Чарли.

– В самом деле?

– Да нет, я просто вижу. Не нужно обладать сверхъестественными способностями, чтобы это понять.

– Но что же мне делать?

– Ничего.

– Ничего? А вдруг он не знает, что нравится мне?

Чарли смеется:

– Он был бы полным идиотом, если бы не знал этого.

– Прекрати, Чарли! – Я шутливо хлопаю его по руке. – С Дэнни все в порядке, и ты это знаешь.

– Да, догадываюсь. Для крутого парня он не так уж плох.

Я киваю и откидываюсь на спинку сиденья, чтобы обдумать слова Чарли. Дэнни Лукас действительно заметил или Чарли просто разыгрывает меня?

Но мне не приходится долго размышлять, так как автобус вскоре останавливается на парковке в центре Нориджа.

Мы выходим из автобуса, и руководитель из молодежного клуба, Барри, собирает нас вокруг себя.

– Сюда, банда! – призывает он бодрым голосом, размахивая планшетом. – Если вы организованно последуете за мной, мы начнем наше первое сегодняшнее приключение. Итак, в сбор! Вперед!

Подняв брови, я переглядываюсь с Чарли, и он усмехается.

– Пошли, Грейси! – говорит он голосом Барри и с церемонным поклоном подает мне руку. – *Начнем наше первое сегодняшнее приключение вместе?*

Мы следуем за Барри по узким улицам Нориджа. Он бодро несется вперед, подняв над головой планшет, чтобы мы не потерялись.

Я стараюсь не терять из виду Дэнни, но мы в середине цепочки, а он в самом конце, как раз перед Глендой. Гленда – коллега Барри (вообще-то прошел слух, что Гленда – его девушка). Чтобы взглянуть на Дэнни, нужно обернуться, что было бы *слишком* заметно.

– Стоп, банда! – командует Барри, когда мы останавливаемся перед собором. – А сейчас, как сказано в расписании, вы будете осматривать собор самостоятельно. Но я призываю вас потратить время на то, чтобы оценить архитектуру и внутреннее убранство. Это действительно на редкость красивый собор.

– Этот парень проглотил путеводитель? – спрашиваю я Чарли.

Он усмехается:

– Ему просто нравится звук собственного голоса.

Мы бродим по безмолвному собору, стараясь оценить величественную архитектуру и великолепные цветные витражи. Но скоро нам становится скучно. Пожалуй, организаторы экскурсии слишком большие оптимисты, если ожидают, что собор надолго удержит внимание группы подростков – даже если это молодежный клуб при церкви. Скоро раздаются выкрики: кто-то пытается проверить, есть ли здесь эхо.

Барри и Гленда торопливо собирают нас и выводят на лужайку перед собором.

– Надеюсь, все вы получили удовольствие от краткого знакомства с поистине великолепным образцом религиозной архитектуры Англии? – вопрошает Барри. Он все еще широко улыбается, несмотря на наше поспешное бегство из собора.

– Вы имеете в виду эту церковь? – осведомляется кто-то, и слышатся смешки.

– Да, – продолжает Барри с взволнованным видом, – этот собор. Наверно, пора сделать перерыв на ланч? – Он смотрит на Гленду, и она кивает. – Просьба вернуться сюда ровно в час дня – и тогда мы продолжим экскурсию. – Я уверен, что *большинству*, – он обводит взглядом подростков, которые выдувают огромные розовые пузыри жевательной резинки и совсем его не слушают, – замок покажется гораздо интереснее.

Мы расходимся небольшими группками. Молодежный клуб рекомендовал захватить с собой завтрак, чтобы не заморачиваться с ним. Но почти все проигнорировали совет и взяли только деньги. Даже Чарли, чья мама навязала ему завтрак, сразу же выбросил его. Сейчас он вместе с остальными направляется в центр города в поисках чего-нибудь поинтереснее. Все мы приходим в волнение, заведя большую букву «М». «Макдональдс»! Мы привыкли к «Уимпи»: ²³ да-

---

²³ Сетевые закулочные фирмы «Уимпи», основное блюдо в которых – котлета

же в Сэндибридже есть закусочная «Уимпи». Но «Макдональдс»! Мы словно попали в Нью-Йорк. Это же надо – обнаружить такое типично американское заведение в Норидже!

К великой досаде администратора, все мы выстраиваемся в очередь и заказываем самое дешевое блюдо меню – «Счастливый завтрак». Потом мы выходим на улицу и ищем где бы пристроиться.

Нам с Чарли удастся найти свободную деревянную скамейку, остальные направляются к лужайке перед собором. Дэнни уходит вместе с небольшой компанией, включая Люси Фланаган и Донну Льюис. Я стараюсь не смотреть в ту сторону. Мы с Чарли открываем картонные коробки с едой.

– Круто! Гоночный автомобиль! – восклицает Чарли и достает из своей коробки крошечный пластмассовый автомобиль синего цвета.

– И всего-то? – разочарованно тяну я. Я слышала о великолепных бесплатных подарках, которые находят в «Счастливых завтраках» «Макдональдса», но автомобиль никак не тянет на интересную игрушку.

– Это предназначено для детей, Грейси! – говорит Чарли, вынимая самый длинный и тонкий ломтик жареного картофеля, какой мне доводилось видеть, и с жадностью отправляя его в рот. Кажется, будто он жует червя с запахом картофеля. – Но, конечно, это не для юных леди, которые пытаются склеить одного красавчика!

– И вовсе я не пытаюсь его склеить! – возражаю я, разворачивая свой гамбургер.

Прошло много времени с тех пор, как я завтракала. Чарли ел в автобусе конфеты, но я отказалась и теперь умираю от голода. Я откусываю огромный кусок сочного чизбургера, и в ту же секунду с него сползает большая капля кетчупа и шлепается мне на грудь.

– Нет! – кричу я в ужасе, глядя на свою белую майку. Такое впечатление, что в меня выстрелили и из раны сочится кровь.

– Быстрее! – Чарли сует мне в руки салфетку.

– Если я вытру, будет еще хуже, – возражаю я.

Откинувшись назад, я пытаюсь остановить красную каплю, чтобы она не потекла дальше.

– Но ты же не можешь провести в такой позе весь день! – говорит Чарли, стараясь не смотреть на мои груди. – Хочешь, я попробую удалить кетчуп?

Я с сомнением смотрю на него: кетчуп попал на самое деликатное место.

– Не беспокойся, я не собираюсь до них дотрагиваться!

Мои щеки становятся такого же цвета, как кетчуп.

– О'кей, – неуверенно соглашаюсь я. – Если ты думаешь, что сможешь удалить так, чтобы не осталось пятна...

– Грейси, я же не волшебник, – отвечает Чарли тоном хирурга, взвешивающего шансы на удачную операцию. – Все, что я могу сделать, – это попытаться свести урон к миниму-

му.

– О’кей-о’кей, давай же! – говорю я, закрыв глаза.

Я чувствую, как Чарли начинает осторожно промокать футболку на моей груди. Как это типично для меня! Мальчик впервые коснулся моей груди, но в этой ситуации нет ничего сексуального. К тому же это мой лучший друг.

– Ну вот, готово, – объявляет Чарли.

Я открываю глаза и смотрю на свою грудь в надежде, что Чарли чудом удалил следы кетчупа. Но, конечно, это не так. Капля исчезла, но осталось мерзкое томатное пятно.

– О, господи, что же мне делать? Я же не могу разгуливать по Нориджу в таком виде!

– А ты не можешь прикрыть это место волосами? – предлагает Чарли. – Они достаточно длинные, чтобы скрыть пятно.

Я испепеляю его взглядом.

– Я же не могу ходить, как Нил из «Подрастающего поколения»²⁴!

Чарли смеется.

– Знаешь, ты не очень-то похожа на мирных хиппи, не так ли?

– Да, сейчас действительно не похожа! – рычу я.

– Послушай, нет смысла выбрасывать свой ланч. – Высказав эту практичную мысль, Чарли подает мне чистую салфетку. – Хорошо, что я захватил несколько. Сегодня они очень

---

²⁴ «Подрастающее поколение» – комический сериал 1982–1984 гг.

пригодятся!

Я прищуриваюсь.

– Заправь это за ворот, Грейси, – говорит Чарли точно таким же тоном, как моя мама, когда мне было четыре годика. – Это пока что прикроет твою... *проблему*. Ешь, а потом мы что-нибудь придумаем.

– Что тут можно придумать? – сокрушаюсь я и, следуя его совету, затыкаю за ворот белую бумажную салфетку. – Не могу же я ходить вот так весь день. Я как будто в слюнявчике!

– Может быть, тебе следует купить его, – говорит Чарли с бесстрастным лицом. – Если бы ты перед едой надела детский слюнявчик, мы бы не оказались в подобной ситуации. Знаешь, такой пластиковый, с пеликаном... Уверен, в Норидже есть «Мазеркэр»²⁵.

– Ты дождешься, что я выверну на тебя остатки твоего завтрака! – предупреждаю я. – Держу пари, жирный гамбургер нанесет твоей голубой рубашке больший урон, нежели моей – кетчуп!

Чарли поспешно запихивает в рот остатки гамбургера. Затем он с усмешкой качает головой:

– Вот видишь, Грейси, я же говорил, что ты ничуть не похожа на мирных хиппи!

---

²⁵ «Мазеркэр» – сетевые магазины товаров для детей и беременных.

Глава 6

Наконец с ланчем покончено, и Чарли ведет меня по улицам Норвича, на которых есть магазины. Мы ищем какую-нибудь майку для меня.

Ни у одного из нас нет при себе больших денег, и мы заходим в «Челси герл». Нужно отдать должное Чарли: он сразу же находит очень хорошую белую майку. Она подходит к моим синим джинсам стоунвош и белым кожаным туфлям. Но у меня есть другая идея. Прежде чем мы зашли в магазин, я заметила в витрине короткое бледно-розовое платье с рукавом «летучая мышь» и широким белым поясом. Оно висело на худых плечах одного из манекенов, и я сразу же влюбилась в это платье.

– Мне *необходимо* это платье, – говорю я Чарли, когда мы бродим по магазину среди легинсов и кружевных перчаток. – То, которое в витрине.

– Почему? – спрашивает Чарли, показывая мне белую майку. – Что с ней не так? Она почти такая же, как та, что на тебе.

– Платье в витрине – это совсем другое дело. Оно эффектное. Люди заметят меня в нем.

Чарли смотрит на меня с подозрением:

– Когда ты говоришь «люди», то имеешь в виду Дэнни?

Я краснею и, пожав плечами, отвечаю:

– Может быть.

Чарли со вздохом заглядывает в свой бумажник.

– А у нас хватит денег? Потому что после ланча у меня осталось всего четыре фунта пятьдесят шиллингов.

Я открываю свой кошелек.

– У меня... шесть фунтов и... двадцать пять пенсов. Платье стоит одиннадцать фунтов.

– Не хватает двадцати пяти пенсов. Мне жаль, Грейси, но ничего не получится. Вероятно, тебе все-таки придется купить майку.

Я с тоской смотрю на розовые платья, висящие на рейке.

– Это распродажа... Для такого платья просто даром... И у них есть мой размер, что редко бывает на распродажах. – Я смотрю на Чарли, как щенок, который умоляет хозяина пойти на прогулку.

– Теперь я понимаю, откуда у Вильсона такой взгляд. – Чарли закатывает глаза. – Хорошо, хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Давай твои деньги.

Не спрашивая, что он собирается делать, я отдаю ему кошелек.

– Какой у тебя размер? – спрашивает Чарли.

Я колеблюсь.

– Двенадцатый... Ну, может быть, четырнадцатый. Это зависит от обстоятельств.

– О'кей... Какой размер у тебя *сегодня*?

Я смотрю на платья. Они очень свободные, с поясом, что-

бы перехватить в талии.

– Двенадцатый, – уверенно отвечаю я.

– Это точно?

– Да, точно.

– Хорошо.

Чарли направляется к рейке с платьями. Он снимает платье двенадцатого размера и, подмигнув мне, идет к кассе. Молоденькая продавщица, которая изучает свои ногти, покрытые ярко-оранжевым лаком, устало смотрит на него.

Я не слышу, что говорит ей Чарли, так как в магазине оглушительно гремит поп-музыка. Однако я вижу, что продавщица решительно качает головой. Чарли указывает на меня (я жду у рейки с футболками, на которых написано «Выбери жизнь»), и продавщица переводит усталый взгляд на мою персону.

Потом Чарли снова начинает что-то говорить. И вдруг выражение лица этой молодой девушки меняется. Она с сочувствием смотрит на меня, потом кивает Чарли. И вот уже мое платье укладывают в пластиковую сумку с логотипом «Челси герл». Чарли вытряхивает на прилавок содержимое моего кошелька и своего бумажника.

Продавщица считает деньги, пробивает цену на кассе, вкладывает в сумку чек и подает ее Чарли.

Торжествующий Чарли подходит ко мне и поспешно выводит из магазина на улицу.

– Как же тебе это удалось? – спрашиваю я, заглядывая

в сумку, чтобы убедиться, что платье действительно там.

– Скажем так: просто она не устояла перед моим обаянием.

– Нет, Чарли, расскажи!

– Я сказал, что ты моя девушка и что у нас годовщина, и мне хочется купить тебе платье, но не хватает денег на то, которое тебе понравилось. Вот она и сжалилась надо мной.

Я пристально смотрю на Чарли, но вопреки моим ожиданиям он не смущается. Кажется, даже весьма доволен собой.

– Это так мило с твоей стороны, Чарли, – растроганно произношу я. – Знаешь, ты не должен был идти на такое ради меня.

Чарли пожимает плечами:

– Мне хотелось. А теперь найди где-нибудь туалет и переодейся, или мы опоздаем в замок. А я не думаю, что Барри склонен будет прощать после эпизода в соборе.

Кивнув ему, я бегу в «Дебнемз»²⁶ и быстро переодеваюсь в дамском туалете. Затем я делаю «конский хвост» из своих непокорных каштановых волос. Бросив последний взгляд в зеркало над раковиной, я остаюсь очень довольна увиденным. Прежде чем вернуться к Чарли, я останавливаюсь у прилавка с косметическими товарами и опрыскиваю запястья «Пуазоном» из пурпурного флакончика. Это последний штрих, который я добавляю к своему гламуру.

---

²⁶ «Дебнемз» – магазины женской одежды крупной торговой фирмы.

Чарли стоит у витрины магазина «Наша цена»²⁷, рассматривая кассеты.

– Привет! – говорю я, неожиданно смутившись. – Вот и я!

Чарли оборачивается.

– Вот и ты. – Он отступает на шаг, чтобы получше меня рассмотреть. – Да у тебя, оказывается, есть ноги!

Я смущенно смотрю на свои голые ноги: мне как-то непривычно без джинсов.

– Да... Но как тебе платье?

– Ты потрясающе выглядишь. Но чем это пахнет? – Он морщит нос. – Ужасный запах.

– Это «Пуазон», – отвечаю я.

– Да уж, ты бы могла запросто убить этим дюжину крыс.

– Нет, это такие духи, очень изысканные. И безумно дорогие.

Чарли, делает вид, будто отшатывается от меня.

– Раньше от тебя лучше пахло. Чем ты надушилась утром?

– О, это был «Импульс», – небрежно отвечаю я, махнув рукой. – Ничего особенного.

– Может быть. Но у них гораздо более приятный запах, чем у твоего «Пуазона»!

– Чарли, – произношу я высокомерным тоном, – ты купил мне это платье, и я весьма благодарна тебе. Но я думаю, что наши представления об элегантности немного различаются.

---

²⁷ «Наша цена» – сеть британских магазинов, в которых продавались кассеты и пластинки с 1971-го по 2004 г.

Чарли медленно кивает.

– Да, вероятно, ты права. *Хотя*, – с многозначительным видом продолжает он. – Хотя они и должны различаться, поскольку ты совершаешь поездку по обмену. Ты из России и не говоришь по-английски!

– Что?

– Именно это я и сказал продавщице, чтобы уговорить ее продать платье подешевле.

– Но ты же сказал, что я твоя девушка? – Я разочарована, что это не так.

Чарли усмехается:

– Нет! Я сказал, что сегодня твой последний день в Англии и что это все английские деньги, которые у тебя остались. – Продолжая говорить, он потихоньку отступает от меня. – Я сказал, что ты очень бедная и у себя в стране можешь покупать одежду только в секонд-хенде. Это платье будет напоминать тебе о щедрости англичан, когда ты будешь стоять в очереди за хлебом... Нет, Грейси, не надо! – кричит он, когда я бросаюсь к нему. – Вспомни о платье!

Я преследую Чарли до самого места сбора и прибегаю на несколько минут позже него, сильно запыхавшись.

– Ой! – кричит Чарли, закрывая лицо руками. – Только не по лицу! Может быть, в один прекрасный день оно принесет мне целое состояние!

У Чарли рыжие волосы и светло-голубые глаза, а бледное лицо усеяно веснушками. Рассмеявшись, я даю ему пинка.

– Ты, Чарли Паркер, настоящая заноза в задни... А, привет, Дэнни! – обрываю я фразу, увидев рядом с собой Дэнни.

– Спасибо, приятель, ты меня спас! – говорит Чарли, опуская руки. – Кто знает, что бы она со мной сделала!

Я улыбаюсь Дэнни, незаметно наступая на ногу Чарли.

– Прекрасно выглядишь, Грейси, – одобрительно замечает Дэнни, оглядывая меня взглядом с головы до ног. – Новое платье?

– Да, я купила его во время ланча. Оно тебе нравится?

– Да... Особенно вот это, – отвечает Дэнни, погладив мое голое плечо.

Я чуть не падаю в обморок.

Затем он морщит нос.

– Чем это так воняет? – спрашивает он, озираясь.

Увидев, что Чарли открывает рот, я опережаю его:

– Да, странный запах, не так ли? Пожалуй, мне нужно от него избавиться. – Я достаю из сумки флакон с «Импульсом» и разбрызгиваю духи в воздухе, чтобы заглушить запах «Пу-азона».

– Так гораздо лучше, – говорит Дэнни, принюхиваясь. – Спасибо, Грейси.

Я стараюсь не смотреть на Чарли, который, конечно же, ухмыляется.

– Хотите присоединиться к нашей компании во время осмотра замка? – спрашивает Дэнни: в этот момент снова появляется Барри. – Не знаю, какой экскурсовод нам попа-

дется. Впрочем, я уверен, что будет еще прикольнее, если он окажется плохим. Да, Грейси?

Я так энергично киваю, что мой «конский хвост» мотается из стороны в сторону.

– А ты, Чарли? – спрашивает Дэнни.

– Как Грейси захочет... – с безразличным видом отвечает Чарли, засовывая руки в карманы. – Меня это вполне устраивает.

Глава 7

Как только Барри и Гленда убеждаются, что все благополучно вернулись с ланча, мы направляемся к Нориджскому замку.

На ходу Барри рассказывает нам кое-что из истории этого норманнского замка. Я притворяюсь, будто слушаю его. И дело не в том, что меня это не интересует, – просто я иду рядом с Дэнни Лукасом, и мы с ним беседуем!

Мы говорим о школе и будущих планах после экзамена на обычном уровне. К своему удивлению, я обнаруживаю, что Дэнни, как и я, собирается выбрать гуманитарные науки.

– История – вот что меня интересует, – говорит он, указывая на беспорядочно разбросанные здания с низкими черепичными крышами, мимо которых мы проходим. – Когда-то здесь жили люди, а теперь в них офисы и магазины. Интересно, кто жил в этих домах прежде?

Я пожимаю плечами. Честно говоря, мне это безразлично, но я ничего не говорю Дэнни.

– И *как* они жили? – продолжает он. – Предвкушаю экскурсию в замок. Думаю, это классно: увидеть настоящую крепость и узнать, как ее защищали норманны.

– Угу, – с умным видом поддакиваю я. Вот уж не ожидала ничего подобного от Дэнни! Он потрясающий, но я думала, что его главное достоинство – привлекательная внешность.

А он вдруг заводит со мной разговор о норманнских замках и их обитателях!

– Ты любишь историю, Грейси? – спрашивает он, когда мы подходим к замку. – Мы с тобой в разных классах на уроках истории, не так ли? Наверно, ты у мисс Гренджер.

– Да... у мисс Гренджер, – подтверждаю я.

– Ее считают превосходным преподавателем истории. Мне хотелось бы быть в ее классе, но я немного не дотянул до продвинутой группы.

Я вдруг вижу Дэнни в новом свете. Он не просто красавчик: помимо синих глаз, которые сияют, как сапфиры, и красивых каштановых волос, у Дэнни Лукаса есть мозги. У него острый, пытливый ум, и его интересуют не только девочки и футбол.

Теперь он мне еще больше нравится.

– Это не важно, – утешаю я. – Уверена, ты делаешь большие успехи в классе мистера Дональдсона. – Я бросаю взгляд на величественный замок на вершине холма. – Я мало что знаю о норманнах. Может быть, ты поделишься со мной своими знаниями?

– С удовольствием, Грейси, – отвечает он, одарив меня своей неотразимой улыбкой, которая обычно предназначалась другим. – Мне бы этого очень хотелось.

Мы поднимаемся на вершину холма, и у входа в замок нас встречает экскурсовод.

– Привет, ребята, я Лиам, – представляется этот долговязый светловолосый парень. – Сегодня я буду вашим гидом.

– Классно! – кричит один из ребят, передразнивая его исполненный энтузиазма тон.

Но это ничуть не рассердило Лиам.

– Рад, что вы так воодушевлены предстоящей экскурсией! – усмехается он. – Приятно иметь дело с теми, кто жаждет знаний. А теперь прошу следовать за мной.

Лиам проводит нас под высокой аркой, и начинается экскурсия по замку.

Не знаю, в чем тут дело – в красноречии Лиам или в моем желании произвести впечатление на Дэнни, – но я с удовольствием осматриваю экспозицию. Она демонстрирует, как люди жили, работали и защищали Норидж в те времена, когда замок был крепостью.

– Привет, Грейси, – шепчет мне Чарли, оказавшись рядом со мной на зубчатых стенах замка. Мы любуемся видом Нориджа, а Лиам рассказывает о битвах и об образе жизни солдат, которые стояли здесь на часах в любую погоду. – Похоже, тебя действительно заинтересовала история.

– Как ни странно, так и есть!

Чарли бросает взгляд на Дэнни, который ловит каждое слово Лиам.

– Скорее ты проявляешь интерес ради Дэнни! Но надо отдать тебе должное, ты притворяешься очень искусно! Да, тебе определенно надо заниматься драмой после того, как ты

сдашь экзамен на повышенном уровне.

– Нет, мне *в самом деле* интересно! – возражаю я.

Странно: ведь меня никогда прежде не интересовала история. А сейчас я жадно слушаю о том, что здесь происходило. Лиам рассказывает так, словно все происходило совсем недавно.

Посмотрев на меня, Чарли корчит рожу.

– Ты не перегрелась на солнце? – спрашивает он, щупая мой лоб. – Сегодня очень жаркий день.

– Прекрати, Чарли. Я же могу изменить свое мнение, не правда ли? Во всяком случае, это не похоже на то, что интересует моих родителей: чужие ненужные вещи. А здесь живая история. Мы стоим на том самом месте, где происходило все, о чем рассказывает Лиам. Разве это не удивительно?

– Да, потрясающе, – с сомнением в голосе произносит Чарли. Он снова смотрит на Дэнни. Теперь, когда Лиам закончил, Дэнни с улыбкой поворачивается к нам.

Я машу ему, и он подходит.

– Разве Лиам не изумителен? – взволнованно говорит он. – Я бы хотел работать здесь экскурсоводом, когда стану старше.

– Да, в его рассказе замок действительно оживает, – замечаю я.

– Барри говорит, что мы рано закончили и у нас осталось сорок пять минут свободного времени до прихода автобуса. – Дэнни задумчиво смотрит на меня. – Ты бы не хотела

пройтись, Грейси? – спрашивает он.

– Э-э... – Я смотрю на Чарли: неудобно бросать его ради Дэнни.

– Вы погуляйте, – говорит Чарли, – а я схожу чего-нибудь выпить. – Он вытаскивает из кармана бумажник, и мы одновременно вспоминаем, что там ничего не осталось.

– Извини, Чарли, – говорю я. – Чарли помог мне купить это платье, так что у нас совсем не осталось денег, – объясняю я Дэнни.

Ни минуты не раздумывая, Дэнни сует руку в карман.

– Вот, – говорит он, вручая Чарли фунт. – А для Грейси я что-нибудь куплю.

Чарли смотрит на монету в своей руке, затем на меня.

Пожалуйста, возьми ее! – мысленно умоляю я.

– Спасибо, приятель, – к моему облегчению, говорит Чарли. – Я верну.

Дэнни пожимает плечами:

– Нет проблем.

– Значит, прогуляемся, Грейси? – спрашивает Дэнни, и я подсказываю, почувствовав его руку на своей талии.

Я сглатываю нервный комок.

– Конечно. – Вместо непринужденного тона получается какой-то писк. – Конечно, – повторяю я негромко. – До скорого, Чарли!

Чарли лишь кивает. Я уверена, что он провожает нас взглядом, когда мы спускаемся с холма. Но я не оглядыва-

юсь, поскольку слишком поглощена тем, чтобы быть крутой.

* * *

Спустившись с холма, мы оказываемся в парке. Там мы находим лоток с мороженым, и Дэнни покупает нам обоим «Мистера Уиппи» с шоколадкой сверху. Затем мы идем к деревянной скамейке и садимся.

– Нравится? – спрашивает Дэнни, кивая на мое мороженое.

– М-м-м-да, – с трудом выговариваю я, слизывая мороженое.

– Хорошо. Приятно ненадолго уйти от других, не так ли? Я киваю, так как вполне с ним согласна. Вот уж не ожидала, что он чувствует то же самое.

– Но только не от Чарли, – поспешно добавляю я, не желая предавать друга.

– Нет? – спрашивает Дэнни, склонив голову набок.

– Нет. Он мой друг.

– А-а... Меня интересовало, какие у вас отношения. Значит, вы *просто* друзья, не более того?

подавившись мороженым, я чуть не обрызгиваю Дэнни.

– Да, – с трудом выговариваю между приступами кашля. Дэнни хлопает меня по спине, затем кладет руку на мое плечо.

Я невольно смотрю на нее. Вот уж не ожидала увидеть ру-

ку Дэнни Лукаса у себя на плече!

– Мы с Чарли просто хорошие друзья, – говорю я, наконец-то отдышавшись.

– Хорошо, – бормочет Дэнни, придвигаясь поближе. – Я очень рад это слышать, Грейси.

Я сглатываю слюну. Он же не собирается сделать то, о чем я думаю?

Как раз собирается. Лицо Дэнни приближается, и вот уже его губы касаются моих.

Как часто я об этом мечтала! Но, конечно, действительность никогда не бывает похожей на то, что воображаешь.

У Дэнни мягкие и удивительно теплые губы, хотя он ел мороженое. Я подаюсь к нему, наслаждаясь не только первым поцелуем с Дэнни, но и вообще первым *настоящим* поцелуем с мальчиком. После этого я никогда не буду считать поцелуй с Найджелом Джефферсоном первым. Когда я буду рассказывать эту историю своим дочерям и внукам, моим первым поцелуем будет этот восхитительный поцелуй Дэнни Лукаса. Я запомню его вкус, его мягкие губы, теплое сияние, разлившееся по всему телу. Я запомню... И тут что-то мокрое и очень холодное шлепается на мои колени...

Отстранившись от Дэнни, я смотрю на свое платье.

– О нет, только не это! Опять! – восклицаю я, увидев на своих коленях большую белую каплю мороженого с шоколадной крошкой сверху...

Дорогая Грейс!

Сегодня ты обнаружишь место, которое сыграет очень важную роль в твоём будущем.

Взгляни на него внимательно, Грейс, потому что события, которые там произойдут, сформируют всю твою жизнь.

С любовью.

Я

Глава 8

Как ни странно, Дэнни не отпугнуло такое ходячее недо-разумение, как я. После того как автобус благополучно возвращает нас в Сэндибридж, мы начинаем встречаться.

Правда, «встречаться» – громко сказано. Мы не ходим на свидания, а болтаемся в доме друг у друга и смотрим телевизор, иногда видео на новом видеомангнитофоне, который недавно купили родители Дэнни.

– Тебе повезло: ведь ты можешь записывать что угодно и потом смотреть, когда захочешь, – говорю я Дэнни, когда мы впервые смотрим записанную телепрограмму.

Это была всего лишь серия «Команды А»²⁸, но не важно. Меня восхищало, что мы используем такую потрясающую современную технику. Мне так хотелось, чтобы мои родители шагали в ногу со временем! Но единственное, чего я добилась, – это покупка цветного телевизора несколько лет назад. Да и то лишь потому, что мама любит передачу «Мир садоводов», а смотреть ее в черно-белом варианте не имеет смысла.

В общем, мы лишь сидели в гостиной (нам не разрешалось приглашать друг друга в свою комнату), болтались на променаде вместе с друзьями Дэнни и порой гуляли вдвоем. (Мы не могли брать с собой Вильсона, так как по какой-то

---

²⁸ «Команда А» – американский приключенческий сериал 1983 г.

необъяснимой причине он сразу же невзлюбил Дэнни. Когда тот ко мне приходил, Вильсона приходилось выставлять в сад.) И это всё. Нет, мы, конечно, целовались – очень много. Как-то раз, когда мы сидели на диване в моей гостиной и родителей не было дома, Дэнни вдруг принялся возиться с застёжкой моего бюстгальтера. Но меня охватила паника, и я сказала, что слышу лай Вильсона. Нужно пойти и проверить, в чем дело. Когда я вернулась на диван, то словно бы ничего не произошло. Мы снова держались за ручки, слушая альбом «Spandau Ballet»²⁹.

– На следующей неделе мой день рождения, – небрежным тоном произносит Дэнни, когда мы сидим на диване в его гостиной. На этот раз мы смотрим записанную на видео серию «Демпси и Мейкпис»³⁰.

– В самом деле? – удивленно спрашиваю я. – Ты не говорил.

– Но теперь сказал, не так ли? – Дэнни улыбается, и, как всегда в таких случаях, по моему телу пробегает приятная дрожь.

– Ты что-нибудь устраиваешь? – осведомляюсь я.

Что бы такое ему подарить? Может быть, тот альбом «Ван Хален»³¹, который мы видели на днях в «Вулвортс»³²?

---

²⁹ «Spandau Ballet» – британская поп-группа, созданная в 1979 г.

³⁰ «Демпси и Мейкпис» – сериал 1985–1986 гг.

³¹ «Ван Хален» – американская рок-группа, основанная в 1972 г.

– Парни хотят устроить мне вечеринку, поскольку это также конец четверти. Но мы не знаем, где собраться.

– Может быть, у кого-нибудь дома? – предлагаю я.

«А как насчет видеокассеты с фильмом «Рокки»? – думаю я. – Уверена, она уже есть в продаже».

Дэнни насмешливо смотрит на меня.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Да, если бы нашлись родители, которые не возражали бы против разгрома в своем доме.

– О! Это так ужасно?

На последнем дне рождения, где я была, мы хором пели «С днем рожденья тебя», и именинница задувала свечи на торте. А потом мы все отправились домой с завернутым в салфетку куском торта, воздушным шариком и карандашом в красивой мешочке.

– Вероятнее всего.

– Значит, вы ищете для своей вечеринки что-то вроде амбара или большого зала?

– Хорошо бы! Но у нас нет ни знакомых фермеров, ни денег, чтобы снять зал.

– Гм-м... – Я тщетно пытаюсь что-нибудь придумать, чтобы поразить Дэнни своей находчивостью. Увы, у меня мало опыта по части вечеринок. – Я подумаю, – обещаю я. – Предоставь это мне.

---

³² «Вулвортс» – сетевые универмаги филиала американской компании «Ф. У. Вулворт».

– Дэнни хочет устроить вечеринку в свой день рождения, – сообщаю я Чарли на следующий день, когда мы гуляем по пляжу вместе с Вильсоном.

Несмотря на то что я встречаюсь с Дэнни, мы с Чарли по-прежнему неразлейвода, и я всегда нахожу для него время. Кроме того, учитывая сложные отношения Дэнни и Вильсона, на прогулках с собакой меня по-прежнему сопровождает Чарли.

– Где? – спрашивает Чарли, наблюдая, как Вильсон гоняется по пляжу за теннисным мячом.

Чарли теперь всегда берет этот мячик на прогулки.

– Чтобы развлечь Вильсона, – сказал он, впервые вынув мячик из кармана. – Вернее, чтобы отвлечь его, – уточнила я. – А то он докопается до Австралии!

– И это тоже.

Мячик имел большой успех. Правда, Вильсон утопил его в море, и Чарли принес другой. Вильсон радостно приносит мячик в зубах – но лишь до тех пор, пока его не привлечет что-нибудь другое. И тогда уже мы бегаем за мячиком, а Вильсон со счастливым видом грызет пластиковую бутылку.

– Он пока не знает, где устроить вечеринку, это проблема. Если собраться у кого-то дома, там, возможно, будет разгром.

– *Возможно?* Я думаю, наверняка. – Чарли усмехается. –

Для особы, которая так рвется выбраться из Сэндибриджа и исследовать мир, у тебя порой весьма узкий взгляд на вещи.

– Что ты имеешь в виду?

– Грейси, ты наивна, как младенец в огромном плохом мире.

– Нет!

Чарли поднимает брови. Он всегда так делает, когда считает, что прав. Меня это раздражает.

– Я не более наивна, чем ты, Чарли Паркер!

– Это зависит от того, какой смысл мы вкладываем в это понятие. – Чарли наклоняется и подбирает мячик. – Если мы говорим о личных отношениях, – продолжает Чарли, бросая мячик Вильсону, который с нетерпением ждет, – тут ты, пожалуй, на шаг меня опередила. Ведь ты теперь встречаешься с крутым Дэнни Лукасом, а у меня нет подобных отношений ни с одной девочкой.

Я киваю в знак согласия.

– Но если мы говорим о житейской мудрости... Тогда, боюсь, я впереди тебя.

– Это почему? – вспыхиваю я. Чарли мне нравится, но порой он бывает совершенно несносным.

– Потому что я много путешествовал... Жил в разных местах. Мой папа работал поваром в армии, и мы повсюду следовали за ним. Только теперь, когда он ушел в отставку, мы осели. А где побывала ты?

Хотя я раздосадована, приходится признать его правоту. Самое дальнее место, где я побывала, – это Кембридж, куда мои родители ездили на аукцион.

– Именно поэтому мне хочется уехать отсюда и постраниковать по свету, – говорю я.

– А я мечтаю в конце концов осесть здесь. Перемены не всегда бывают к лучшему. Иногда хорошо пустить где-нибудь корни, чтобы это место стало своим домом.

– Может быть. Но я пока что к этому не готова! И тебе бы не следовало, дряхлый старикашка! – Я со смехом убегаю от Чарли по песку.

Однажды мы обнаружили, что, хотя поступили в школу в один год, Чарли почти на год старше меня. Дело в том, что у меня день рождения в августе, а у него – в сентябре.

– Ах ты нахальная девчонка! – шамкает Чарли, как беззубый старик.

Он гонится за мной, и я мчусь по пляжу, а рядом вприпрыжку бежит Вильсон. Я всегда была очень быстрой, и немногие девочки в школе могут меня обогнать. Но я не надеюсь обогнать Чарли: он маленький, худой и несется, как гончая.

Я бегом добираюсь до конца пляжа, затем мы с Вильсоном сворачиваем на маленькую дорожку, ведущую к маяку. Она проходит через небольшую сосновую рощу. Когда мы выходим из-за деревьев, то оказываемся в нескольких футах от высокой стены из крошащихся кирпичей цвета меда и тер-

ракоты.

Я останавливаюсь, чтобы отдышаться, и позволяю Чарли догнать меня.

– А ты быстрая! – признает он, тяжело дыша.

– Спасибо, – отвечаю я. – По крайней мере, я умею делать хоть что-то лучше тебя!

– Ну, не дуйся, – просит Чарли извиняющимся тоном. – Я не хотел сказать ничего обидного. Просто я завидую тебе. Наверно, это хорошо – оставаться на одном месте больше года.

Я пожимаю плечами: мы с Чарли никогда не придем к соглашению в этом вопросе.

– Это все равно что иметь кудрявые волосы, – говорю я.

– Что?

– Кудрявые волосы. Если они у тебя кудрявые, ты их терпеть не можешь и хочешь, чтобы они были прямыми. А если у тебя прямые волосы, то всегда хочется завить их.

Чарли кивает, затем как-то странно смотрит на меня.

– Ты хочешь сказать, что всегда хочется недостижимо-го? – тихо спрашивает он, словно говоря с самим собой.

– Да, вот именно.

– О, я знаю, каково это.

Я бросаю взгляд на Чарли. Что он имеет в виду?

– Ты знаешь, где мы? – спрашиваю я, решив не обращать внимания на его странное поведение. Чарли часто бывает загадочным, и я не всегда понимаю, что он хочет сказать.

Чарли выходит из состояния задумчивости и озирается:

– Нет. Не думаю, что когда-нибудь бывал здесь.

– Мы на границе поместья Сэндибридж-Холл. За этой стеной – парк. Дом можно увидеть только с конца пляжа, так как он стоит на холме.

Чарли смотрит на кирпичи, золотисто-желтые и красные, как ржавчина.

– Я слышал об этом Холле, но никогда не видел. Там кто-нибудь живет?

– Сейчас нет, – отвечаю я, приближаясь к стене. Я ставлю ногу в трещину между кирпичами и поднимаюсь, чтобы как следует посмотреть на дом. – Лезь сюда и посмотри сам.

Чарли тоже забирается на стену.

– О, какой большой дом! – восклицает он. – Это что, елизаветинский особняк? Смотри-ка, ров, как у замка.

– Почти угадал. Это тюдоровский особняк, – уточняю я. – Недавно мы здесь побывали: занимались очисткой дома. Правда, мы работали только в сторожке егеря, а в дом не заходили. Все антикварные вещи из особняка были сданы на хранение, когда владельцу пришлось выехать из него. Вероятно, он все еще пытается продать дом: его содержание обходится слишком дорого.

– Только посмотри на эти владения! – Чарли восхищенно обводит взглядом обширные лужайки, деревья и растения. – Должно быть, здесь обитает целая колония фауны Сэндибриджа. А что там, вдали? Озеро?

– Наверно. Я была здесь всего один раз, и только в сторожке. Владелец особняка был очень замкнутым, и сюда не пускали публику. Полагаю, его семья прожила здесь много лет. Он последний, как утверждает моя мама. Как жаль, что ему приходится продать поместье.

– Значит, сейчас там никого нет? – осведомляется Чарли, прыгивая со стены.

– Никого, – подтверждаю я и тоже прыгиваю на землю. – Насколько мне известно, дом пустой.

– Тогда давай его исследуем! – предлагает Чарли с загоровшимся взором.

– Зачем? Это всего лишь старый дом.

Чарли вздыхает.

– Ах, Грейси, где же та жажда приключений, которая зовет тебя объездить весь мир?

– Во всяком случае, «весь мир» не за этой стеной.

Чарли усмехается:

– Может быть. А что, если мы найдем там подходящее место, чтобы справить день рождения твоего бойфренда?

Я смотрю на Чарли, ничего не понимая.

– Дом? – подсказывает он, кивая на стену. – Ты сказала, он пустой.

– Думаешь, мы в самом деле могли бы устроить там вечеринку? – спрашиваю я. – У нас не будет из-за этого неприятностей?

– Почему бы не пойти туда и не взглянуть? – искушает

меня Чарли, снова залезая на стену. – Конечно, если ты не побоишься...

– А как же Вильсон? – спрашиваю я, наблюдая, как пес обнюхивает землю рядом со стеной. Затем он вонзает в нее когти – это его обычный ритуал перед тем, как начать рыть. – Он же не может перелезть через стену, а я не могу его оставить.

Чарли бросает взгляд на Вильсона, потом улыбается:

– Я думаю, Грейс, что ты в кои-то веки порадуешься тому, что Вильсон любит рыть ямы!

Глава 9

Вильсон роет яму под стеной, и земля летит во все стороны. Нам с Чарли удастся залезть на стену, используя трещины между раскрошившимися кирпичами. Добравшись до самого верха, мы опасно там балансируем. В конце концов мы решаем, что единственный способ оказаться по другую сторону стены – это спрыгнуть вниз.

Чарли прыгает первым и уверенно приземляется на траве. Теперь моя очередь. Я тоже прыгаю, но приземляюсь на какой-то маленький бугорок и валюсь на Чарли. Он ловко подхватывает меня, не давая упасть.

– Спасибо, – говорю я зардевшемуся Чарли, когда он убирает одну руку с моего предплечья, а вторую – с моей груди.

– Всегда пожалуйста, – отвечает он. – Ой, я не то хотел сказать, я имел в виду...

– Все в порядке. Я знаю, что ты имел в виду, – поспешно произношу я, чтобы покончить с неловкой ситуацией. Я стряхиваю с джинсов кирпичную пыль. – А теперь давай посмотрим, сможем ли мы протащить сюда Вильсона.

Вот уж никогда не думала, что буду уговаривать Вильсона копать! Но именно это делаем мы с Чарли, подбадривая его. И вот уже – гораздо раньше, чем я ожидала, – мы видим ужасающе грязного Вильсона по эту сторону стены. Весьма довольный собой, он отряхивается, разбрасывая вокруг се-

бя комыя земли. Потом он смотрит на меня, опасаясь, что я начну ругать его за новую яму.

– Нет, – успокаиваю я собаку, глядя ее по голове. – Ты поступил правильно – *на этот раз!*

Мы втроем осторожно идем по огромным лужайкам. Точнее, вдвоем: Вильсон носится вокруг, часто делая остановки, чтобы что-то обнюхать или задрать лапу. Под ногами у нас трава, которую, несомненно, содержал в порядке садовник с помощью газонокосилки. Теперь она сильно разрослась.

– Наверно, на этих лужайках паслись овцы во времена Тюдоров, – говорит Чарли, мысли которого текут в том же направлении. – Либо тут размахивало косами множество слуг. Держу пари, они очень обрадовались, когда была изобретена газонокосилка!

– Забавно, что теперь газонокосилку воспринимают как должное, не так ли? – отвечаю я.

– Думаю, именно поэтому многие люди находят историю интересной. Очень интересно узнавать, как жили эти люди, у которых был совсем иной быт, чем у нас. И как они справлялись, когда еще не было гаджетов, которые мы воспринимаем как должное.

– Я полагаю...

Я никогда не думала об истории в таком плане. Она начала немного больше интересоваться меня с тех пор, как я встречаюсь с Дэнни, – его интерес к этому предмету заразителен. Но в школе нас лишь заставляют зубрить скучные даты битв

и правления монархов. Если бы мы изучали жизнь обычных людей, это могло бы стать интереснее.

Чарли настоял, чтобы мы сначала пошли к озеру. Рассматривая плавающую в воде дикую живность, он сообщает мне, что здесь имеются тритоны, карпы кои и маленькие водяные клопы. К этой фауне чуть не добавилась большая лохматая собака. Вильсон пытался прыгнуть в воду, но нам удалось отвлечь его, бросив палку. Затем мы направляемся обратно, и по дороге Чарли замечает кролика, крошечного оленя-мунтжака и множество разных птиц.

– Разве здесь не замечательно! – восклицает Чарли. Мы останавливаемся перед маленьким каменным мостом над рвом – он ведет к парадному входу. – Разве тебе не хотелось бы жить в таком месте, где у самого порога вся эта живность, а пляж всего в нескольких шагах?

– Нет, – категорически заявляю я, устремляясь по мосту к особняку. Я начинаю грохотать одной из ручек на двойных дверях. – Когда у меня будет собственный дом, он будет новенький, с иголки, а не старый и обветшавший, как этот.

– Кажется, ты заинтересовалась историей с тех пор, как встречаешься с Дэнни? – замечает Чарли, следуя за мной на мост.

– Да. Не знаю, почему меня раньше не интересовала история. Наверно, Дэнни умеет сделать ее более волнующей.

Но, как ни странно, далеко не такой волнующей, какой сделал ее разговор с Чарли об овцах и газонокосилках. В то

время, как Чарли рассказывает мне обо всей флоре и фауне Сэндибридж-Холла, у меня в голове полно других мыслей. Это мысли о прошлом и о людях, которые здесь жили.

– Он делает ее волнующей, не так ли? – игриво спрашивает Чарли. – Что же он делает – наряжается в старинные костюмы и устраивает для тебя реконструкцию битв?

Чарли размахивает воображаемым мечом, пританцовывая на мосту в поединке с воображаемым противником. Вильсон вертится вокруг, обнюхивая его ноги.

– *Hem!* Мы просто беседуем на исторические темы, а иногда смотрим документальные фильмы.

Сейчас, когда я произношу это вслух, мои слова звучат немного скучно. Однако и Дэнни, и Чарли пробудили во мне интерес к истории.

Оставив в покое дверь, я возвращаюсь к Чарли. Может быть, удастся что-нибудь увидеть в одном из окон первого этажа? Но поскольку дом со всех сторон окружен водой, с такого расстояния я могу рассмотреть только пустующие комнаты со стенами, оклеенными плотными обоями различных оттенков.

– Звучит крайне волнующе! – насмешливо произносит Чарли, следуя за мной в сопровождении Вильсона. – Нельзя ли мне как-нибудь присоединиться к вам? Ваше времяпрепровождение действовало бы на меня как снотворное и помогло заснуть.

– Ты просто ревнуешь, – говорю я.

– Да, ревную, – отвечает Чарли, глядя на темную воду рва. Сейчас у него уже не насмешливый тон. – Очень ревную... Итак, насчет этой двери.

И, как будто ничего не случилось, он направляется к большой деревянной двери, а я остаюсь в растрепанных чувствах.

Ведь Чарли не ревнует меня к Дэнни, не так ли? Конечно же, нет. Просто он опять меня дразнит. Нет, непохоже, что дразнит... Может быть, он сказал, что ревнует, потому что мы стали реже видеться с тех пор, как у меня роман с Дэнни? Да, наверно, именно это он и имел в виду.

Удовлетворившись своим объяснением, я следую за Чарли. Я вижу, что он вместе с Вильсоном тщательно обследует дверь. Вильсон обнюхивает, а Чарли ощупывает большую деревянную дверь с замысловатой резьбой. Ничего не обнаружив, он переводит взгляд на пару старых каменных горшков для растений. Судя по виду засохших растений, когда-то это была герань. Чарли поднимает эти горшки по очереди и ставит обратно, качая головой. Обернувшись, он обнаруживает, что я за ним наблюдаю.

– Поищи под горгульей, – просит он, указывая на двух мрачных горгулий, охраняющих парадный вход.

– Что?

– Ключ, бестолочь. Как ты думаешь, что я ищу?

– Разве найдется такой дурак, который оставит ключ от этого особняка под... О! – восклицаю я, наклонив одну из каменных фигур. – Вот и ключ!

– А я что сказал? – с торжествующим видом произносит Чарли. – Теперь попробуем вставить его в замок.

Я передаю Чарли большой железный ключ, и он пытается вставить его в замок. К моему изумлению, ключ подходит, и Чарли поворачивает его до тех пор, пока не раздается щелчок.

– Только после вас, – говорит Чарли.

Я смотрю на него с подозрением.

– Думаешь, я боюсь?

– Вовсе нет. А вот я – да! Это большой старый дом, и тут вполне может болтаться парочка привидений.

Я с презрением качаю головой:

– Пошли, трусишка. Я войду первая.

Но первым входит Вильсон, прыжком опережая нас обоих.

Мы с Чарли входим следом за ним в темный дом, ощущая запах затхлости. Я подскакиваю, когда Чарли захлопывает за нами дверь.

– Значит, не боишься, да? – шепчет он с усмешкой.

Зал очень широкий, и в нем дверь красного дерева. Над нами – великолепная хрустальная люстра, которая, вероятно, сверкала во время балов и светских приемов. Но теперь она мрачно свисает с грязного кремового потолка с замысловатыми лепными украшениями по краям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.